

КИТАЙСКИЕ СКАЗКИ

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ ПОДНЕБЕСНОЙ

Седьмая Книга

Сборник
Китайские сказки

«Седьмая книга»

Сборник

Китайские сказки / Сборник — «Седьмая книга»,

Каждый четвертый житель Земли слышал в детстве эти волшебные, красивые и мудрые истории. Издавна народные сказки в Поднебесной, как ценную реликвию, передавали из уст в уста, из поколения в поколение. Как и большинство сказок мира, китайские сказки учат юную душу любви, учат не быть жадными, завистливыми и злыми. Из них ребята узнают, что счастье находит лишь тех, кто творит добро, кто ценит настоящих друзей, и кто не боится тяжелой работы.

Содержание

Сказка о первом сказочнике	6
Дай-фу – приносящий счастье	11
Верное сердце	17
Волшебная кисть	21
Свирепый тигр и хитрый У	27
Подарок	32
Небесная река	34
Девушка-пион	38
Гора тысячи сокровищ	43
Волшебная свирель	47
Про сосну, черепаху и тигра	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Китайские сказки

© 2012 г. Издательство «Седьмая книга». Перевод, составление, пересказ и редакция.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Сказка о первом сказочнике

В один из вечеров маленькая Ли-хуа – Цветок сливы спросила у своего дедушки:

– Откуда тебе известно столько сказок?

Дедушка Сюнь немного подумал и ответил:

– Многие из тех историй, которые тебе уже доводилось слышать, я услышал в детстве от своего деда Лао Баня, который слыл лучшим из сказочников всего уезда.

– А откуда он узнал эти сказки?

– Возможно от своего дедушки, а может и от шошуды-сказочника. Такие сказочники – шошуды до сих пор ходят по сёлам и городам, играя на лютне, исполняя старинные песни и рассказывая удивительные истории о добрых и злых людях, о зверях и птицах и о могущественных волшебниках.

– Дедушка Сюнь, – снова спросила Ли-хуа, – а может тебе известно кто был первым сказочником?

– Да, Ли-Хуа, я слышал об этом и могу тебе рассказать. Самый первый сказочник родился в княжеской семье, и было это много столетий тому назад...

Во всех семьях и богатых, и бедных с нетерпением ждут появления на свет сына. Только бедняки ждут помощника в нелёгком труде, а князьям нужен наследник, которому они могли бы передать своё княжество.

Один из князей по имени Ло Ван много лет не мог дожждаться наследника. И когда, наконец, долгожданный сын родился, радости князя не было предела. Но вот только этому мальчику не дано было стать наследным князем.

Сын Ло Вана рос здоровым и крепким малышом, и никто ничего не замечал, пока он не встал на ножки и пошёл. Кормилица мальчика стала замечать, что он постоянно натывается на что-нибудь, ударяется и падает, словно не видит преград. Когда же об этом стало известно князю, он позвал лекаря к своему сыну. Горько было отцу услышать от лекаря о том, что его единственный сын слеп.

Если слепой ребёнок родится в семье бедняков, родители погорюют, погорюют и смиряются с судьбой – что же делать, придётся бедняку без помощника семью кормить. Другое дело если такое горе случится в княжеской семье. Как князю передать слепцу своё княжество?

Властный князь, не смог смириться с горем, и вместо печали его сердце наполнилось гневом. Ло Ван охваченный гневом велел тотчас обезглавить лекаря, а слепого сына унести в горы, чтобы его растерзали дикие звери.

Слуги не посмели перечить князю, и мальчик оказался один в чаще леса на склоне горы. Возможно, эта история закончилась бы очень грустно, если бы малыша раньше остальных не заметил старый тигр. Этот зверь был очень мудр и даже мог говорить на человеческом языке.

– Человеческое дитя, я тебя съем! – произнёс тигр.

Малыш не понял угрозы, он протянул вперёд свои ручонки и зашагал на голос. Изумлённый такой храбростью тигр скрылся в густых зарослях и вскоре привёл с собой всех лесных обитателей. Звери с любопытством рассматривали бесстрашного малыша, а затем решили, что он достоин жить среди них.

Так княжеский сын стал жителем леса.

Тигрицы стали поить его своим молоком, и мальчик рос крепким и здоровым. А чтобы он не замерзал, лиса смастерила ему халат из меха, и малыш стал напоминать звериного детёныша.

От павлина сын Ло Вана получил красивую шапочку, украшенную павлиньими перьями, а от горного козла джара – мягкие башмачки.

Каждый из лесных жителей старался чем-нибудь помочь мальчику или как-нибудь порадовать его. Мудрый тигр стал обучать его языку зверей, ведь этот язык проще человеческого. Но когда мальчик подрос, тигр обучил его и языку людей, настолько, насколько знал сам.

Долгими вечерами, когда учитель и ученик уставали от обучения, старый тигр часто рассказывал мальчику удивительные истории, которые случались в лесу с незапамятных времён. Эти рассказы были о птицах, зверях и даже о людях, которые особенно нравились сыну Ло Вана.

Мальчик просыпался, разбуженный пением иволги, а засыпал под нежные соловьиные песни. Птичье пение настолько нравилось маленькому слушателю, что он невольно стал пытаться подражать великолепным певцам. Но сколько бы он ни пытался передать звенящие звуки жаворонка или волнующие трели соловья, ему никак не удавалось петь также чисто как птицы. Но зависть не проникла в его сердце, ведь не в доме князя, а в лесу, где никто никому не завидовал.

Со временем мальчик стал думать и размышлять, ведь не даром же он появился на свет человеком. Он стал придумывать различные вещи, мастерить их, а его лесные друзья всегда были рады ему в этом помочь. Благодаря дикому кабану у мальчика появился крепкий бамбук, а благодаря иволге – конский волос. И тогда сын Ло Вана взялся за дело. Согнув бамбук, он накрутил на его концы конские волоски, и получились струны, зазвучавшие под его пальцами. Самая тонкая из них зазвенела: «Пи», а самая толстая струна издала звук: «Ба». Мальчик стал перебирать струны, и они запели: «пи-ба», «пи-ба». Поэтому он и решил назвать этот музыкальный инструмент – пиба. До сих пор во всей Поднебесной этот инструмент так и называют, в других же краях пиба называется лютней.

Старый тигр, услышав звуки лютни, на которой впервые заиграл мальчик, одобрительно сказал: – Эти звуки не напоминают птичье пение, но они мне по душе.

Прошли годы. Сын Ло Вана подрос, как и все детёныши зверей. И юноше казалось, что он такой же как и звери, ведь когда они слышали что-то, то и он это слышал, когда звери чувствовали что-то, то и юноша это чувствовал. И только одно ему было не понятно, а потому волновало и тревожило его. Это случалось тогда, когда звери говорили, что видят восход или закат солнца, а он не знал, как это можно увидеть. Он мог лишь почувствовать, что стало теплее или холоднее или определить время по пению разных птиц.

В один из дней юноша решил спросить у мудрого тигра, почему это так, и тот ему ответил:

– Это всё потому, что ты слепой.

– Но ты ведь можешь сделать так, чтобы я смог видеть? Ты же самый мудрый и могущественный в лесу.

– Нет, этого я не могу.

– А люди могут?

– Этого я не знаю, но людям всегда удавалось сделать больше, чем даже самому мудрому зверю.

– Тогда мне нужно идти к людям, – заключил юноша.

– Что ж, иди, может они тебе помогут, – сказал на это мудрый тигр.

И сын Ло Вана отправился к людям в ближайшую деревню.

Многое из того, что он увидел у людей, показалось ему странным: зачем, например, жить в домах и спать на твёрдом кане, если можно прекрасно устроиться на мягкой траве в земляной норе, или, зачем варить еду и есть её длинными палочками, когда быстрее и удобнее есть руками! Но вскоре юноша привык к такому образу жизни, и ему даже понравилась такая жизнь.

Тяжело приходилось беднякам, когда в их семье прибавлялся лишний рот, но, несмотря на это, никто не отказывал в помощи слепому юноше. Сын же Ло Вана, чтобы долго не обременять хозяев, переходил из одного дома в другой.

И вот однажды он пришёл в дом к одной бедной вдове. Чтобы заработать себе и своему маленькому сыну на пропитание, вдове приходилось с утра до ночи разматывать шёлковые нити с коконов шелкопрядов. Кропотливая это работа, ведь стоит только немного отвлечься, как тонкие нити путаются, а если начать их распутывать, то они рвутся. На беду у бедной женщины заболел её сын, но она не могла оставить свою работу и утешить плачущего мальчика. Мать сама готова была расплакаться от отчаяния, как вдруг сын успокоился и умолк. Вдова взглянула на своего ребёнка и увидела, что слепой юноша присел на канн рядом с больным мальчиком и, держа в руках свою лютню, рассказывает ему сказку. Прислушавшись, женщина услышала удивительную историю о маленькой лягушке перехитрившей обезьяну и испугавшей тигра. Рассказчик касался пальцами струн лютни, и они издавали звуки подобные рычанию тигра, кваканью лягушки или пищанию обезьяны. Слезы мальчика сменились смехом, заулыбалась и бедная мать, а сказочник рассказывал одну историю за другой...

В народе говорят: где смех и веселье, там нет места печали и болезни. Вечером этого же дня мальчик выздоровел, а его мать сделала вдвое больше работы, чем обычно.

Вдова поделилась с соседями радостной вестью и поведала о том, как слепой юноша сказками исцелил её сына. Остальные жители деревни тоже захотели послушать эти забавные истории, и с той поры крестьяне по вечерам стали собираться вместе, чтобы разогнать свои тяжёлые мысли добрыми рассказами юноши.

Когда сказочник замолкал, откладывая в сторону свою лютню, кто-нибудь из бедняков начинал рассказывать о том, что некогда происходило с ним самим или же его соседом.

Вскоре молва о слепом сказочнике разлетелась по всему уезду. И в один из дней за юношей пришли несколько пастухов из далёкого поселения в горах и увели его с собой.

На новом месте слепой юноша рассказывал не только о зверях и птицах, но и передавал истории, услышанные от крестьян. Только они были гораздо красивее, словно драгоценная шкатулка из яшмы, сделанная искусной рукой мастера, в сравнении с куском яшмы, найденным в горах.

Из этого поселения юношу увели рыбаки в свою деревню, расположенную у красивого озера. Так слепой сказочник переходил из одной деревни в другую, и везде его принимали с радостью, выслушивали его удивительные истории, а также рассказывали свои.

Как река, которая стала полноводной рекой, благодаря множеству ручейков впадающих в неё, так и слепой юноша стал сказочником-шошуды, благодаря множеству рассказанных ему историй. Каких только сказок он не знал! И о давно минувших временах, и о том, что произошло накануне, о том, что случилось в ближайшей деревне и о событиях, происходивших на другом конце света. Некоторые из его историй заставляли слушателей смеяться, а некоторые грустить, но были и такие, что когда слушаешь сказку – весело, а закончится она, есть над чем подумать.

Однажды пришёл сказочник в одно бедное поселение, подобных которому в Китае не счесть. Однако в других сёлах и деревнях бедняки не проливали попусту своих слёз, а трудились изо всех сил, борясь с нуждой. А здесь все: и стар, и млад постоянно роптали и жаловались на судьбу, случалось это даже тогда, когда надо было бы радоваться, а не печалиться. Собрали в этом посёлке богатый урожай, так жители – в слёзы, ведь наверняка им не собрать на другой год столько риса.

И столько горьких слёз проливалось здесь день за днём, что даже вода в реке здесь была солёной, словно морские воды, и набирать её для питья приходилось выше по течению.

Решил шошуды развеселить этих людей и рассказал им забавную историю про глупого тигра, но вместо смеха раздался плач:

– А вдруг этот тигр забредёт в наше поселение?

На следующий день слепой юноша не произнёс ни слова, а вечером третьего дня созвал всех жителей посёлка и начал рассказывать свою сказку.

Было у одной женщины двое сыновей. Они выросли и стали ремесленниками, поселившись в городе неподалёку от той деревеньки, где жила их мать. Старший сын был красильщиком и красил шёлковые ткани, а младший искусно мастерил из них красивые зонтики.

Любящая мать постоянно переживала за своих сыновей, не зная покоя.

Стоило зачистить дождливым дням, как она переживает:

– Ох-ох, ни к чему эти дожди, вдруг из-за них не просохнут у моего старшего сына его крашенные материи! На что же он тогда станет жить!

Но как только ветер разгонит тучи и засияет солнце, мать снова печалится:

– Ох-ох, в такую погоду никто не станет покупать зонтик, и мой младший сын будет голодать! И не было ни одного дня в году, чтобы мать не горевала, проливая слёзы.

Так было и в тот день, когда мимо её дома проходила очень старая седая старуха. Она увидела на пороге плачущую женщину и спросила её:

– Из-за чего ты плачешь?

Мать и поведала ей о причине своих слёз. Седая старушка, выслушав её, промолвила:

– Несчастливая ты женщина! Столько лет ты прожила на белом свете, а так и не поняла что радость и горе это две стороны одной монеты. И ты всю свою жизнь смотришь только на одну её сторону! Утри свои слёзы и научись радоваться, тогда радость не покинет тебя даже в самый трудный час!

Сказав это, старушка отправилась дальше своей дорогой.

А мать послушала её совета и взглянула на всё с другой стороны. Увидев ясное небо и сияющее солнце, она сказала:

– Какой сегодня солнечный день! Должно быть, старшему сыну сегодня удастся хорошо заработать, ведь в такую погоду шёлк быстро сохнет!

Когда же после полудня забарабанил по крышам дождь, мать улыбнулась и сказала:

– Вот и славно! Теперь и младший сынок сможет заработать, продав свои зонтики!

С того самого дня мать перестала горевать, ведь она стала видеть всё с хорошей стороны. И это правильно! Так ведь?

Но слепой сказочник не дождался ответа от селян. Они задумались над рассказом шошуды, но радоваться ещё не научились, поэтому один за другим слушатели разошлись по своим домам.

Горькие слёзы разочарования обожгли лицо слепого сказочника. Ведь какой толк в его сказках, если они не помогают людям?! Из-за горестных размышлений юноша смог заснуть лишь ближе к рассвету, а утром его разбудили громкие голоса селян, доносящиеся с улицы:

– Чего это вы там веселитесь? – спрашивал кто-то хозяев фанзы, в которой остановился слепой юноша.

– Отныне мы больше не станем проливать слёзы, а будем только радоваться и смеяться! – ответил хозяин. – Всем поселением мы решили, что с этого дня станем жить по-новому!

– А что же станет с рекой? Ведь мы привыкли брать из неё солёную воду для супа и риса! Теперь, видимо, нам придётся покупать соль на базаре!

Тогда шошуды понял, что в эту ночь проливал слёзы только он один. И от этого так радостно стало у него на душе, что он звонко рассмеялся, а затем его смех подхватили и все селяне.

Во многих сёлах и деревнях побывал слепой сказочник, пока не попал в главный княжеский город. На шумном моголюдном базаре этого города он и принялся рассказывать свои сказки. Постепенно базарный шум стал стихать – люди заслушались сказками слепого шошуды и позабыли о торговле. Вскоре такая тишина воцарилась на базарной площади, какая бывает только глубокой ночью, и лишь только мелодичные звуки лютни да негромкий голос рассказчика нарушал эту тишину.

Юноша закончил рассказывать третью сказку и начал четвёртую – про бедного пастуха и прекрасную Ху-ан-э, когда к нему, растолкав других слушателей, подошёл тучный богач. Он был владельцем огромного табуна лошадей и вёл себя бесцеремонно.

– К чему бесплатно развлекать зевак, когда можно продать свой товар? – воскликнул богач. – Пойдём со мной, шошуды, я покупаю твои сказки!

С этими словами он стал тянуть слепого юношу за рукав. Но в этот момент к нему подскочил другой богач, владелец большой отары овец и закричал, вцепившись в другой рукав юноши:

– Отойди от него, старая черепаха! Этот сказочник ещё и рта не открыл, а я уже отсчитывал монеты, чтобы купить все его истории и звон его лютни!

– Иди к своим овцам, старый баран! Я уже сторговался! – закричал на него владелец табуна и потянул слепого юношу к себе.

– Видимо, одна из твоих кобыл копытом выбила весь твой ум! – не унимался второй богач. – Ты что не понял, что товар уже продан?

Богачи спорили до хрипоты, крепко вцепившись в рукава сказочника и не желая уступать друг другу, но когда они поняли, что мирно не решат этот спор, то направились вместе со сказочником к князю, чтобы он их рассудил.

Но даже перед князем они надрывались от крика так, что старому князю было не разобрать в чём суть их спора. Когда же ему надоел их крик, он выгнал богачей вон, а слепого юношу спросил:

– Скажи мне, отчего они готовы разорвать друг друга из-за тебя?

– Я не знаю, господин, – ответил юноша, – они вцепились в меня на базарной площади, когда я рассказывал сказки.

– Наверное, ты хороший рассказчик, раз они так из-за тебя спорят. Что ж, расскажи и мне одну из твоих сказок, а я послушаю.

Юноша, перебирая струны своей лютни, начал свой рассказ. Князь заслушался. И когда сказка подошла к концу, властитель подумал, что она превосходит по мудрости все учёные трактаты его советников и мудрецов.

– Где ты этому научился? И кто был твой учитель? – спросил у юноши князь.

– Обучение моё началось в лесу, и моим первым учителем был старый тигр, а затем я бродил по деревням и сёлам, рассказывал свои истории, а люди рассказывали мне свои. История моей жизни удивительна и лучше я расскажу тебе об этом, как сказку, – ответил шошуды и начал рассказывать сказку о своей жизни.

Когда же юноша умолк, старый князь Ло Ван со слезами на глазах обнял своего сына и сказал:

– Небо второй раз послало мне сына, и на этот раз я не отрекусь от тебя! Пусть ты слеп, но твоё сердце видит, где правда, а где ложь, где добро, а где зло. И я теперь могу со спокойной душой передать тебе по наследству своё княжество.

Но юноша сказал ему в ответ:

– Когда-то я покинул зверей, чтобы люди помогли мне увидеть свет солнца. Но этого так и не случилось, зато я научился нести людям свет, ведь от моих сказок становится светлее тому, кто их слушает. Если я останусь здесь, то этот свет померкнет, поэтому не удерживай меня.

Старый князь Ло Ван тяжело вздохнул, но не стал удерживать сына и тот покинул его дом, чтобы вновь бродить по дорогам Срединного царства, играть на лютне и рассказывать людям свои сказки.

Дедушка Лао Сюнь ненадолго умолк, а затем сказал внучке:

– Теперь, Ли-хуа, ты знаешь, кто был первым сказочником.

Дай-фу – приносящий счастье

Наша деревенька расположилась у подножия гор, чьи островерхие вершины тянутся к самым облакам. Самая высокая гора с давних пор зовётся Горой целебных трав. Где-то у её вершины берёт начало река, дающая воду нашей деревне и спускается вниз шумящим водопадом. Но взобраться на эту вершину – задача из невыполнимых, так как путь к ней преграждён неприступными скалами. Однако одному человеку удалось побывать там. В те времена гора называлась иначе, но все уже давно забыли её старое название, а вот о человеке, поднявшемся на её вершину, помнят до сих пор, тем более, что он и родился в нашей деревне.

Но лучше я расскажу вам эту историю от начала и до конца.

Давным-давно в семье самого бедного крестьянина родился мальчик. Но едва он появился на свет, отец посмотрел на него с грустью и сказал:

– Сынок, сынок, ты пришёл в этот мир себе на горе, ведь вся твоя жизнь будет борьбой с нуждой.

Но жена бедняка в ответ на это сказала ему с улыбкой:

– Не говори так! Лучше взгляни, какой высокий лоб, и какие большие глаза у нашего малыша. Он будет умным и красивым, когда вырастет. Я верю, что он появился на свет, чтобы принести счастье. Так давай же дадим ему имя Дай-фу, то есть Приносящий счастье.

Мать Дай-фу оказалась права, когда её сын вырос, он осчастливил многих людей. Но пока он был совсем крохой, его родителям приходилось ещё тяжелее, чем до его рождения, ведь нужно было кормить на одного едока больше. Своё пропитание они добывали с потом и слезами, трудясь от рассвета до поздней ночи. Бывало, что в доме оставалось лишь несколько зёрен риса и малость овощей, и в такие дни мать и отец оставались голодными, отдавая последнюю пищу любимому сыну. Они надеялись, что когда Дай-фу подрастёт, он станет им помощником и опорой.

И вот наступил день, когда Дай-фу исполнилось пятнадцать лет. Той осенью он вместе с родителями отправился к дальней горной долине, чтобы накопать там съедобных кореньев и собрать поспевшие ягоды для заготовок на зиму. Но семья попала под холодный проливной дождь. Ненастье длилось три дня, и из-за бурных горных потоков выход из долины был перекрыт. Только на четвёртые сутки бедняки смогли вернуться в свою обветшалую фанзу.

Молодому и крепкому Дай-фу всё было ни по чёму, а вот его родители слегли от тяжёлой простуды. Они метались и бредили от сильного жара на старой циновке, и мальчик, сильно испугавшись за них, помчался к лекарю, который жил на восточном конце деревни.

Деревенский лекарь даже не повернул головы в сторону бедного мальчика, когда тот попросил у него лекарство для больных родителей, словно Дай-фу не достоин был даже взгляда. Сквозь зубы лекарь процедил в ответ на его просьбу:

– Лекарство, которое ты просишь, стоит гораздо дороже твоих родителей. Иди прочь из моей лавки и не беспокой меня!

Со слезами на глазах мальчик побежал на другой конец деревни к другому лекарю, надеясь, что он окажется более милосердным к беднякам.

– Ни к чему тратить целебные настойки и снадобья на бедняков, – важно сказал другой деревенский лекарь. – Бедняк либо выздоровеет сам, либо всё равно умрёт.

Дай-фу ничего не оставалось, как только возвратиться домой с пустыми руками.

Несколько дней он не отходил от умирающих родителей, поправляя им подушки и давая им вместо целебных отваров воду, надеясь на их чудесное исцеление. Но к несчастью мать и отец умерли один за другим, и Дай-фу остался сиротой.

В душе мальчика поселились горечь и гнев. Он твердил себе: «Когда-нибудь я буду лекарем, и бедняки больше не будут умирать из-за того, что у них нет денег на лекарство»!

Соседи утешали мальчика, как могли, приносили ему кто миску супа, кто – лепёшку, но услышав о его мечте стать лекарем, они лишь разводили руками, говоря:

– Рыба в реке не водится без воды, так и бедняку не стать лекарем без денег.

На это Дай-фу им отвечал:

– Даже пересохшая канава иногда становится рекой от нахлынувших горных потоков. Я обязательно стану лекарем.

Удивляясь упорству мальчика, соседи решили ему помочь, и вкладчину собрали немного денег на его обучение. Затем один из них отвёл сироту к городскому лекарю, державшему лавку рядом с базаром. Односельчанин Дай-фу одарил лекаря подарками, купленными на деньги всех соседей, и тот согласился взять мальчика в ученики.

Вот только обучение проходило совсем не так, как Дай-фу себе представлял. Ещё до рассвета старый лекарь будил своего ученика криком:

– Поднимайся живее да готовь мне завтрак!

Едва насытившись, он снова отдавал приказание:

– Нанеси воды! Наруби дров! Приготовь обед! Подмети в лавке!

А когда все дневные труды заканчивались и на небосклоне зажигались звёзды, учитель ложился в мягкую постель, а его ученик должен был стеречь фанзу.

Но как бы ни была трудна жизнь мальчика, он послушно выполнял все приказания своего учителя и при этом умудрялся впитывать словно губка, всё премудрости, какие должен знать настоящий лекарь. Когда его руки были заняты работой по дому, глаза и уши внимательно следили за старым лекарем: какие советы он давал больным, какие травы использует для своих отваров и снадобий. А по ночам он старательно выводил на земляном полу иероглифы, написанные на деревянных ящичках шкафа с лекарствами, и заучивал их наизусть.

На протяжении трёх долгих лет Дай-фу постигал, таким образом, все премудрости целительства. И к концу третьего года пребывания у старого лекаря мог с первого взгляда определить, чем болен человек и как облегчить его страдания. Он различал на вид и по запаху сотню лечебных трав и корней, используемых для приготовления целительных отваров, снадобий и мазей.

И вот, наконец, настал день, когда Дай-фу сказал своему учителю:

– Целебные растения, которые дарит земля Поднебесной, растут не только для богатых, а для всех людей без исключения. Я покидаю твой дом, чтобы у бедняков тоже появилась надежда на исцеление.

Старый лекарь смерил его презрительным взглядом и сказал:

– Если бы все нищие, которые пожелали бы лечить людей могли стать лекарями, то небеса давно бы уже рухнули на землю! Но, как видишь, небосвод от начала времён и до сего дня высоко простирается над землёй!

Дай-фу ничего не сказал в ответ и после недолгих сборов покинул дом старого лекаря. С лёгким сердцем он оставил позади шумный город и направился в родные места.

Солнце ещё не село, а юноша уже стоял на пороге той обветшалой фанзы, в которой он появился на свет. За три года она почти разрушилась, циновки на полу истлели, а старый котёл треснул. Но юноша был рад вернуться домой, ведь по соседству жили добрые и отзывчивые люди, которые приветливо его встретили. Накормив Дай-фу, они стали спрашивать его о том, чему он научился за годы обучения и чем собирается заниматься. Но когда они узнали, что юноша также беден, как и раньше, радость их померкла, и старейший из соседей сказал:

– Ох, сынок, даже самой искусной хозяйке не сварить кашу, не имея риса. Как же ты без целебных снадобий собираешься лечить людей?

– Если у хозяйки нет риса, она найдёт, где его взять, – ответил на это Дай-фу.

На рассвете следующего дня, юноша, взяв с собой плетёную корзинку, отправился в горы. По тонким извилистым тропинкам он поднимался на крутые склоны и спускался в глубокие

ущелья, бродил среди голых скал и зеленеющих долин. Дай-фу старался отыскать хоть какое-нибудь целебное растение, но так ничего и не нашёл. Тогда юноша решил подняться на вершину самой высокой горы, склоны которой поросли густым лесом, и где никогда ещё не ступала нога человека. По еле различимым следам диких зверей он взбирался всё выше и выше и даже не заметил, как опустились сумерки, и показалась луна. Только тогда Дай-фу остановился и понял, что уже слишком поздно искать травы и коренья. Оглядевшись, он не увидел тех следов, по которым поднялся сюда, только безмолвные чернеющие горы окружали его со всех сторон. В лунном свете окружающий мир преобразился до неузнаваемости, вселяя в сердце юноши тревогу.

Вскоре послышалось пение соловья, и словно вторя ему, завывали на луну волки. Дай-фу старался найти дорогу вниз, но никак не находил спуска. Где-то совсем близко зарычал тигр, и это не предвещало ничего хорошего.

Вдруг мимо юноши проплыла, едва касаясь земли, девушка в зелёном одеянии. Как было не удивиться Дай-фу, ведь час поздний, место дикое, что может здесь делать девушка?!

«Видимо, она заблудилась, как и я. Нельзя оставлять её одну, – решил юноша. – Нужно последовать за ней, вдруг ей понадобится моя помощь».

Так он и поступил. Через какое-то время девушка вывела его на небольшую поляну, залившую лунным светом. Повернувшись к Дай-фу, она спросила:

– Почему ты преследуешь меня, юноша?

Дай-фу ответил, ничего не тая:

– Я боюсь за тебя, ведь дикие звери могут в любой момент напасть и обидеть тебя.

На лице девушки засияла улыбка и она сказала:

– В этом месте никто не причинит мне вреда, а что ты здесь делаешь в такой час?

– Я искал целебные травы и коренья.

– Кто-то из твоих близких болен?

Дай-фу ответил, качая головой:

– Нет у меня близких, я один на этом свете.

– Тогда целебные растения тебе нужны для того, чтобы их продать и хорошо на этом заработать?

– Нет, ты ошибаешься! Я искал редкие травы и коренья, чтобы исцелять бедняков, которые не могут заплатить за лекарство.

– И много ли целебных растений ты собрал?

Юноша вздохнул и ответил:

– К сожалению, моя корзина пуста.

Тогда девушка засмеялась, и Дай-фу показалось, что он слышит не смех, а звон множества серебряных колокольчиков.

– Неужели ты, следуя за мной, совсем не смотрел себе под ноги? – звенел голос красавицы.

Юноша опустил свой взгляд и не поверил своим глазам. Прямо у его ног, расстилаясь ковром, росли редчайшие целебные травы и цветы. Лунный свет играл на соцветиях горной арники, останавливающей кровотечение, рядом качала своими колокольчиками наперстянка, способная исцелить больное сердце. Тут же радовала глаз своими лиловыми цветами красавка, унимающая боль и спасающая от отравления ядовитыми грибами, а неподалёку висели алые ягоды лимонника или, как называют его в народе увейцзы – плод пяти вкусов. Достаточно одной горсти этих алых ягод, чтобы вернуть силы уставшему или ослабевшему человеку. И куда бы Дай-фу не кинул свой взгляд, повсюду росло множество трав, цветов и кореньев, необходимых хорошему лекарю.

Он так обрадовался, что даже не мог подобрать слов, чтобы поблагодарить девушку, к тому же лицо её было настолько прекрасно, что Дай-фу окончательно потерял дар речи.

А красавица лукаво спросила:

– Достаточно ли ярко светит луна, чтобы ты мог разглядеть, то, что растёт у тебя под ногами?

Юноша с трудом ответил:

– Твоё лицо сияет ярче луны. Скажи мне кто ты и где твой дом?

– Мой дом здесь и я владычица всех трав цветов и деревьев, растущих на этой горе. Больше всего я дорожу целебными растениями и поэтому скрываю их от жадных и злых людей и показываю только бескорыстным и добрым. Такого доброго сердца, как у тебя мне ещё не доводилось встречать, и я позволяю тебе собрать столько целебных растений сколько тебе нужно. Так чего же ты ждёшь?

Дай-фу наклонился и принялся наполнять свою корзинку разными травами, цветами, ягодами и кореньями. Когда же она наполнилась, девушка в зелёном одеянии исчезла. Юноша огляделся и увидел впереди только голые скалы, по краю которых плыла луна, а где-то рядом шумел водопад.

«Ещё немного и луна спрячется за вершиной горы, как же я тогда найду путь домой?» – подумал Дай-фу.

И в тот же миг он заметил, что стоит на хорошо утоптанной тропинке. Не раздумывая, он пошёл по ней и к восходу солнца был уже в своей деревне.

С того самого дня двери его дома всегда были открыты, и бедняки постоянно приходили к нему за лекарством и за добрым советом. Он никому не отказывал в помощи, в какое бы время суток к нему не приходили – среди белого дня или посреди ночи. Он забывал про сон и отдых и спешил облегчить страдания таких же бедняков, какими были и его родители.

– Недаром мать и отец назвали его Дай-фу, ведь он действительно приносит людям счастье! – говорили его соседи.

Однако за всеми заботами молодой лекарь каждый день вспоминал о девушке в зелёном одеянии. Перед сном он обещал себе: «Завтра на рассвете я снова поднимусь на гору и, возможно, опять встречу её».

Но едва занимался новый день, кто-нибудь из бедняков звал его к больному ребёнку или к постели умирающего старика. Так и проходили дни.

Как-то раз к Дай-фу прибежал мальчик и со слезами сказал, что его отцу очень плохо. Юноша тотчас поспешил к больному. Войдя в бедную фанзу, он увидел измождённого болезнью человека, лежащего на старой циновке. У него болело горло, и ему было очень тяжело дышать и говорить.

После осмотра молодой лекарь понял, что жить бедняку осталось совсем немного. Дай-фу постарался утешить умирающего старика добрыми словами. Больной вскоре успокоился и задремал, а лекарь тяжело вздохнул и покачал головой. И тут Дай-фу услышал приглушённые рыдания. Это плакал мальчик, который догадался, что вскоре останется один. Сердце Дай-фу защемило от жалости, ведь он лучше других понимал горе этого мальчика. И тогда юноша вспомнил, что только горный чай способен исцелить этого больного. «Я должен сейчас же отправиться в горы, чтобы отыскать эту редкую траву!» – подумал Дай-фу, и поднялся на ноги. В дверях он обернулся к мальчику и сказал:

– Не унывай, надежда ещё есть! Скоро я принесу лекарство.

Дай-фу никогда не доводилось держать в руках горный чай, и видел он его всего лишь раз на картинке в книге своего учителя. Однажды он ненадолго оставил старинную книгу на столе, и юноша смог быстро перелистать её страницы. Там он и увидел нарисованные листья горного чая, которые растут на голых камнях самых высоких гор.

Долго бродил молодой лекарь по самой высокой горе. Целебные травы и цветы не прятались от него, стелились ковром, но среди них не было того, что он и скал и юноша проходил мимо.

К закату солнца он оказался на полянке у подножия неприступных скал. Подняв голову к вершине окутанной облаками, Дай-фу подумал: «Так высоко ещё никто не поднимался, возможно, там, на вершине и растёт то, что мне нужно». Но взобраться туда по скалам было невозможно, так как на них не было ни уступов, ни расщелин, только сплошные отвесные каменные стены. Юноша поник, словно сорванный цветок. И вдруг до него донёлся шум водопада, и тогда Дай-фу узнал это место. Ведь именно здесь он говорил с красавицей в зелёном одеянии.

– Если кто и сможет мне помочь, то только она, – сказал сам себе юноша, – ведь она шэньсянь – волшебница.

Едва он это промолвил, как с вершины посыпались камни, деревья закачались от порыва ветра и на поляну выпрыгнул громадный свирепый тигр. Он раскрыл свою огромную пасть, обнажив острые клыки, и грозно зарычал на юношу. Другой бы на его месте испугался и бросился бежать, но Дай-фу шагнул ему навстречу и храбро сказал:

– Возможно, ты голоден, тигр, и готов растерзать меня, но если я умру, то умрёт и больной отец одного мальчика и последний останется сиротой. Позволь же мне помочь больному!

И к великому изумлению молодого лекаря тигр кивнул головой в знак согласия и лёг у его ног, подставив свою полосатую спину. Дай-фу взобрался на спину тигра, а тот с разбега, сделав огромный прыжок, мгновенно очутился на вершине горы.

Дай-фу слез с тигра и пошёл вперёд. На вершине горы росло много неведомых юноше растений. Одни цвели красно-коралловыми цветами, другие – золотистыми, третьи голубели в пышной листве, словно бирюза. И среди этого великолепия скромно росли неприметные кустики горного чая.

Юноша протянул к ним руку, но вдруг за его спиной раздался знакомый серебристый смех. Обернувшись, Дай-фу увидел ту красавицу, о которой столько раз являлась ему во сне. При свете заходящего солнца она была ещё прекраснее, чем в ту лунную ночь, когда юноша увидел её впервые. Нежное лицо девушки обрамляли шелковистые волосы, а яркий изумрудно – зелёный наряд удивительно подчёркивал её красоту.

– Теперь ты знаешь, где я живу, Дай фу, – проговорила девушка. – Ещё никому из людей не удавалось побывать здесь в моих владениях. Но тебе я рада, будь моим гостем! Я увидела тебя сверху, когда ты с тоской смотрел на вершину этой горы. И тогда я попросила тигра доставить тебя сюда. Ответь мне, Дай-фу, почему ты так смотрел на эту заоблачную вершину? Может, потому, что твоё сердце стремилось ко мне?

Дай-фу ответил девушке со всей искренностью:

– С того самого дня, как я впервые увидел тебя, я каждый день мечтал о нашей новой встрече, но в те минуты, когда я смотрел на эту вершину, мои помыслы были заняты другим. Я стремился попасть сюда, чтобы отыскать горный чай, который способен исцелить умирающего человека.

Девушка разочарованно вздохнула и промолвила:

– Вот он, горный чай, и ты можешь сорвать его.

Дай-фу нарвал чайных листиков и бережно сложил их в свою соломенную шляпу. Ему нужно было спешить к больному, но он был не в силах оторвать свой взгляд от волшебницы.

– Отчего же ты не идёшь обратно? – негромко спросила она.

– Мне тяжело снова расставаться с тобой, – ответил юноша.

– И мне не хочется отпускать тебя, Дай-фу. Остайся со мной. Ведь здесь, на вершине так чудесно! Мы могли бы каждый день любоваться этой красотой, и никто не смог бы помешать нашему счастью!

У Дай-фу даже закружилась голова от её нежного голоса и ласковых слов. Разве не об этом он мечтал, думая о ней? Но взглянув на листочки горного чая, он вспомнил, зачем сюда пришёл и сказал:

– Кто же тогда будет помогать больным беднякам?

Девушка снова вздохнула и с грустью сказала:

– Подумай, Дай-фу, прежде чем отказаться от своего счастья, ведь шэньсянь может лишь однажды попросить человека остаться с ней! Если ты уйдёшь, то больше мы никогда не увидимся. Останешься ли ты со мной?

Дай-фу всем сердцем хотел остаться с красавицей шэньсянь, но он не мог забыть горьких слёз мальчика у постели умирающего отца.

– Я должен идти к больному. Я не смогу быть счастливым, зная, что мог спасти кого-то и не сделал этого.

Девушка смотрела на него и её глаза застилала слёзы.

– Вот как бывает! Я полюбила тебя за то, что ты добр и бескорыстен и думаешь больше о других, чем о себе, но именно поэтому мы и не можем быть вместе. Чтож, иди к людям, и пусть эта корзинка станет моим прощальным подарком. Когда тебе понадобится какое-нибудь редкое растение, подумай обо мне, и ты сможешь найти его в этой корзинке.

С этими словами девушка протянула Дай-фу маленькую плетёную корзинку и повела его к водопаду.

– Прощай же, самый лучший юноша во всей Поднебесной! Эта дорога приведёт тебя домой.

– Но как я спущусь по водопаду? – спросил Дай-фу, но в этот момент водные потоки застыли, превратившись в ровную блестящую дорогу.

– Прощай, Владычица ста трав! – воскликнул юноша.

– Прощай! Прощай! Прощай! – ещё долго звенело эхо в горах.

Едва Дай-фу очутился на твёрдой земле, водопад будто бы очнулся от оцепенения и вновь зашумел и забурлил, а юноша поспешил к больному. И он пришёл как раз вовремя, если бы он задержался, хотя бы на немного, бедняга бы умер.

Быстро заварив чай из целебных листьев, лекарь напоил им умирающего, и тот смог дышать.

Спустя несколько дней больной крестьянин поднялся на ноги, и его сын перестал плакать.

Лекарь Дай-фу оставался жить в нашей деревне до глубокой старости, исцеляя и утешая бедняков. Множество людей из ближних и дальних деревень стекались к его дому, словно ручейки, и никто не получал отказа в помощи. Но глаза лекаря всегда были полны грусти, ведь он так и не смог позабыть красавицу шэньсянь. И только счастливый смех матери выздоравливающего ребёнка мог осветить его лицо улыбкой, и грусть ненадолго покидала его.

С той поры самую высокую из окрестных гор и называют Горой целебных трав.

Верное сердце

Несколько столетий стоит на земле Поднебесной Великая Китайская стена. В целом свете нет ничего подобного ей. Она настолько длинна, что её не пройти от начала до конца и за сорок дней и ночей, даже если спать всего по три часа в сутки. А ширина её такова, что можно десятерым идти по ней в один ряд. Стена настолько прочна, что за все века ни один из её камней не сдвинулся со своего места, за исключением одного места, где стена обрушилась. Историю о том, как это случилось и почему это место не достроили, народ передаёт из поколения в поколение.

В те незапамятные времена, когда только началось строительство Великой стены, в деревне Сюйцзячжуаг соседствовали семьи Мын и Цзян.

Как-то летом на огороде семьи Мын раскинула свои плети тыква, один из её побегов перемахнул через изгородь разделяющую соседей и очутился на земле семьи Цзян. Вскоре на этом побеге распустился красивый жёлтый цветок, затем завязался плод. Маленькая тыква росла, росла и к осени выросла до невиданных размеров.

Когда пришло время собирать урожай, между соседками Мын и Цзян возник спор о том кому должна принадлежать эта тыква. Спорили они до хрипоты, а потом решили, что такой огромной тыквы хватит на всех и нужно разделить тыкву пополам.

Так они и сделали. Но как только они разрезали эту тыкву, то к своему большому изумлению обнаружили в ней маленькую прелестную девочку.

– Как же быть? – снова задумались женщины. – Ведь девочка – не тыква, её не разделишь, разрезав пополам! Кто из соседей будет её растить, и чьё имя она будет носить: Мын или Цзян?

Не в одной из этих семей не было детей, и соседи договорились, что будут растить её вместе, и имя у девочки будет Мын Цзян-ной, что означало «девочка из семей Мын и Цзян».

Девочка так и росла то в семье Мын, то в семье Цзян, и спустя годы расцвела, словно прекрасный цветок, согретый ласковыми лучами двух светил. В одной из семей девушка впитала незаурядный ум, а в другой – редкую душевность и доброту.

Так случилось, что в тот момент, когда соседки достали из тыквы свою дочку, на далёком юге в месте под названием Гусу на свет появился мальчик. Родители назвали его Фан Хун-лян.

Мальчик рос крепким и здоровым, радуя своего отца и мать. Но когда он возмужал и превратился в статного и сильного юношу, родители горько пожалели, что их сын не был хилым и больным. И вот почему.

В то время правителем Поднебесной был император из династии Цинь, которого звали Ши-хуанди. Он-то и вознамерился построить великую стену, которой не было бы равной ни до его правления, ни после. Строительство шло уже много лет, и так как Цинь Ши-хуанди был уже далеко не молод и хотел увидеть, как Великая Китайская стена будет гордо простираться на многие ли. Поэтому честолюбивый правитель торопил чиновников, следящих за строительством, а те в свою очередь не щадили бедных строителей и бедняги гибли сотнями от непосильного труда и побоев. Но им на смену пригоняли всё новых и новых людей на это строительство. А тех, кто убегал, ловили и замуровывали в стену в назидание остальным.

Со всех провинций Китая сгоняли народ, Гусу тоже не стала исключением. Крепкий и сильный Фан Хун-лян был схвачен стражниками и вместе с другими беднягами был отправлен на строительство стены.

Год трудился Фан Хун-лян, укладывая тяжёлые камни и в холод, и в зной, подвергаясь постоянным понуканиям, а иногда и побоям от стражников. Голод и жажда, изнурительный труд были постоянными спутниками юноши, но всё же они не так терзали его душу, как тоска по родным местам.

И вот Фан Хун-лян решил на побег. Он убеждал и других бежать вместе с ним, но страх останавливал и без того несчастных людей, и потому юноша сбежал один.

Тёмной дождливой ночью он тайком перебрался через недостроенную стену и отправился на юг.

В темноте и по бездорожью юноша шёл всю ночь, не останавливаясь, не отдыхая, и на рассвете подошёл к какому-то селению. Заходить туда он не стал, а решил остановиться около пруда, окружённого старыми ивами. Фан Хун-лян взобрался на дерево с густой листвой и вскоре задремал.

Тем временем из Сюйцзячжуаг, деревни, в которую побоялся зайти юноша, вышла Мын Цзян-нуй и направилась к пруду, чтобы прополоскать выстиранное бельё.

Чуткий сон Фан Хун-ляна был потревожен плеском воды. Он осторожно выглянул из густой листвы, чтобы узнать, кто пришёл к пруду, и в этот момент вода отразила его лицо. Мын Цзян-нуй увидела это отражение и так испугалась, что оступившись, упала в воду. Фан Хун-лян не мог смотреть, как девушка тонет и тотчас бросился ей на помощь.

Когда же девушка была снова на берегу, она поблагодарила своего спасителя и спросила: – Кто ты, и как оказался в наших краях?

Глаза девушки светились такой добротой и искренностью, что Фан Хун-лян не стал таиться от неё и рассказал всё как есть.

Мын Цзян-нуй выслушала его и посочувствовала, но она не могла долго оставаться с незнакомым юношей наедине, так как была хорошо воспитана, поэтому взяв бельё, она поспешила в деревню, а юноше велела спрятаться на дереве и ждать её прихода.

По возвращении домой Мын Цзян-нуй позвала всех своих родителей и рассказала им о том, что если бы не Фан Хун-лян, то искали бы они свою дочь на дне пруда.

– Но где же тот юноша, что спас тебя? – спросили Мыны и Цзяны.

– Он всё ещё у пруда. Позвольте, я приведу его, – ответила девушка.

И вскоре Фан Хун-лян уже сидел перед всем семейством и уплетал рис одновременно из двух чашек, так как и Мынам, и Цзянам хотелось накормить гостя, а он не мог никого из них обидеть.

Если в сердце молодых зажглась любовь, то разве это скрыть от глаз любящих родителей? Юноша понравился и Мынам, и Цзянам, к тому же он спас их дочь, поэтому родные девушки не стали откладывать со свадьбой. И спустя несколько дней Мын Цзян-нуй и Фан Хун-лян стали счастливыми молодожёнами. Но, к сожалению, счастье их было коротким, как век бабочки-однодневки.

Стражники не досчитавшись Фан Хун-ляна, в тот же день отправились на его поиски.

Легко спрятаться рисовому зёрнышку в полном мешке риса, но как укрыться от императорских стражников человеку даже в отдалённой деревушке? На следующий день после свадьбы стражники ворвались в дом и, связав Фан Хун-ляна, погнали его на север.

Мын Цзян-нуй со слезами умоляла стражников отпустить мужа, но они только сказали в ответ:

– Он в первую очередь подданный императора, а уже потом твой муж, поэтому он снова отправится возводить Великую Китайскую стену!

А Фан Хун-лян, прощаясь, шепнул жене:

– Не печалься, возможно, мне снова удастся сбежать, и тогда мы больше никогда не расстанемся!

Бедной Мын Цзян-нуй ничего не оставалось, как только надеяться на возвращение мужа.

Прошло лето, и заморосили холодные осенние дожди. Мын Цзян-нуй стала шить для мужа тёплую одежду.

Прошла осень, а за ней и зима. Заботливая жена принялась за пошив летней одежды для Фан Хун-ляна, а он всё не возвращался.

Как-то в одну из ночей Мын Цзян-нуй увидела странный сон. Ей снился Фан Хун-лянь. Она поспешила навстречу мужу, чтобы обнять его, но вдруг между ними выросла каменная стена.

Мын Цзян-нуй проснулась в слезах и в этот же день стала просить родных:

– Эта стена погубила моего мужа! Отпустите меня, я должна совершить погребальный обряд.

Как могли родные остановить свою дочь?

И Мын Цзян-нуй отправилась на север.

На рассвете второго дня пути она оказалась у Великой Китайской стены. Стена уже тянулась на сотни ли, но строительство ещё не было окончено. Мын Цзян-нуй стала расспрашивать каменщиков, не знал ли кто Фан Хун-ляня, но они в ответ только качали головой. Она продолжала свои расспросы и, наконец, нашла того, кто знал о его судьбе.

– По императорскому приказу за побег он был заживо замурован в стену, – сказал измождённый худой человек.

– Прошу вас, – со слезами попросила несчастная женщина, – отведите меня к этому месту!

Её отвели. Поднявшись на стену, она горько заплакала. Так велико было её горе, что даже камни стены не выдержали её горячих слёз и стали раскалываться и падать вниз. Великая стена стала рушиться, и вскоре глазам безутешной вдовы открылось то, что осталось от её мужа.

Мын Цзян-нуй похоронила мужа и, надев белые траурные туфли, медленным шагом отправилась домой.

Чиновники, увидев обрушение в стене, стали кричать на стражников и каменщиков и велели немедленно достроить стену. Но как бы ни старались каменщики заложить это место новыми камнями, у них ничего не выходило. Как только заканчивалась кладка, камни снова рассыпались и стена обрушивалась.

Узнав о причине обрушения стены, чиновники поспешили доложить обо всём императору.

Цинь Ши-хуанди, выслушав рассказ о женщине, разрушившей своими слезами Великую стену, повелел разыскать её и привести к нему. Жестокий правитель уже придумывал для неё казнь, когда Мын Цзян-нуй вошла во дворец. Но стоило императору взглянуть на неё, как он позабыл обо всём на свете, ведь ещё никогда ему не доводилось видеть такой красавицы. Мын Цзян-нуй пленила сердце императора, затмив своей красотой всех его жён.

Чиновники, потеряли дар речи, когда услышали новое повеление правителя.

Цинь Ши-хуанди сказал:

– Отведите эту женщину в самые роскошные покои, завтра она станет моей женой!

Затем он обратился к самой Мын Цзян-нуй:

– Ты же не откажешь самому императору?

Мын Цзян-нуй подумала и ответила:

– Я согласна стать твоей женой, но не раньше, чем ты окажешь последние почести моему покойному мужу. Построй для него гробницу, воздвигни храм в честь Фан Хун-ляня и лично соверши жертвоприношение у его гробницы.

К большому удивлению чиновников император согласился выполнить все условия прекрасной вдовы.

Вскоре и храм и гробница были построены, и пришёл тот день, когда нужно было совершить жертвоприношение.

У захоронения Фан Хун-ляня был разведён большой костёр. В роскошном паланкине прибыл Цинь Ши-хуанди, за ним несли другой палантин, в котором сидела Мын Цзян-нуй.

Как только из храма донёлся звон серебряных колокольчиков, императору поднесли на большом подносе жертвенные деньги из бумаги, чтобы он поджёг их, по древнему китайскому обычаю.

Как только пламя охватило деньги, Мын Цзян-ньюй бросилась в огонь. В считанные мгновения пламя охватило её с головы до ног, и она сгорела, как спичка.

Так преданная Мын Цзян-ньюй не нарушила верность Фан Хун-ляну.

С той поры миновало много столетий. Прочно стоит на земле Поднебесной Великая Китайская стена, но ещё крепче народная память о Мын Цзян-ньюй. И если кто-то упоминает о верном и преданном человеке, то говорит:

– Его сердце подобно верному сердцу Мын Цзян-ньюй.

Волшебная кисть

Старые люди рассказывают, что жил некогда в Китае один сирота и звали его Ма Лян. Его родители умерли, когда он был ещё совсем мал, и чтобы прокормиться, мальчик собирал в горах хворост и косил траву. Но как только выдавалась свободная минутка, Ма Лян увлечённо рисовал. Как бы ему хотелось заполнить настоящую кисть! Но кисти стоили дорого, и мальчику оставалось только мечтать о ней.

Как-то раз, проходя мимо школы, Ма Лян увидел через распахнутую дверь, как учитель, держа в руке кисть, рисует красивых фениксов. Когда птицы были нарисованы, учитель вывел сверху несколько иероглифов и только тогда заметил Ма Ляна.

– Что тебе здесь нужно? – строго спросил учитель.

– Я хотел бы рисовать так же как вы, учитель, – почтительно сказал мальчик, – но у меня нет кисти. Не могли бы вы дать мне всего на несколько самую плохую из своих кистей?

– Пэй! – удивлённо воскликнул учитель. – Где это видано, чтобы нищий учился рисовать?! Убирайся отсюда, бездельник!

От обидных слов учителя у Ма Ляна потекли слёзы по щекам, но он утёр их рукой и сказал сам себе:

– Пусть я беден, но моё желание рисовать так велико, что я обязательно стану самым лучшим художником!

И с того времени мальчик упорно учился рисовать. Если он отправлялся в горы за хворостом, то, увидев в небе парящего орла, старался воспроизвести веточкой на земле его могучие распростёртые крылья. Если он косил траву на берегу речки, то вглядываясь в воду, наблюдал за игрой шустрых маленьких рыбок, а затем выводил их силуэты на речном песке. Долгими вечерами, он изображал на стене своей фанзы углём, всё, что видел, будь то горшок, циновка или корзинка.

Так незаметно пролетали годы. Ма Лян вырос и превратился в стройного юношу. За это время он научился так замечательно рисовать, что соседские бедняки стали просить его, чтобы он разрисовал стены их убогих хижин. Но кисти, как и раньше он не имел. Ведь даже работая, не разгибая спины, он мог купить лишь горсть гаоляновой муки да кусок соевого сыра, чтобы не умереть с голода.

Однажды Ма Лян вернулся особенно уставшим и даже не поужинав, лёг на свою циновку и крепко уснул. Ночью ему во сне явился белобородый старик. Протягивая юноше сияющую золотом кисть, он сказал:

– Ма Лян, ты стал настоящим художником! Твои руки искусно рисуют, а сердце видит, что хорошо, а что плохо. Я дарю тебе эту волшебную кисть, но ты не должен пользоваться ею ради корысти или зла.

Юноша взял в руки кисть, воскликнул от восторга и проснулся.

«Какой удивительный сон мне привиделся, – подумал Ма Лян, – как жаль, что это всего лишь сон!»

Первые лучи солнца осветили его фанзу, и юноша вдруг с удивлением увидел рядом с собой ту самую кисть, которую видел во сне. Он тотчас вскочил на ноги и, соскоблив с очага сажу, развёл её водой, а затем обмакнул в неё волшебную кисть, чтобы что-нибудь нарисовать на старом клочке бумаги.

– Нарисую-ка я сороку, которая приносит счастье! – радостно сказал Ма Лян.

И он стал старательно выводить кистью силуэт сороки с белой грудкой, чёрными глазами-бусинками, чёрными крыльями и хвостом. И когда он закончил рисовать сороку, произошло то, что он никак не ожидал. Нарисованная птица вдруг ожила. Она лукаво взглянула на художника и, расправив свои чёрные крылья, выпорхнула в окно.

– Эта кисть и вправду волшебная! – снова воскликнул Ма Лян. – Нарисую-ка я ирис, он никуда от меня не улетит.

Юноша склонился над бумагой и нарисовал прекрасный полураскрывшийся цветок с нежными лепестками и удлинёнными листьями. Лишь только он оторвал кисть от бумаги, прекрасный ирис потянулся к солнцу и наполнил убогое жилище тонким чудесным ароматом. Ма Лян осторожно взял цветок и посадил его у своего окна. В это время из соседней лачуги, причитая и всхлипывая, вышла старая вдова.

Добросердечный юноша спросил соседку о причине её слёз, и она ответила:

– Сегодня я разбила свой единственный горшок и теперь мне не в чем приготовить суп.

– Не горюйте, тётушка! – сказал ей Ма Лян, а затем быстро нарисовал на пороге её лачуги три новых горшка.

Блестящие глиняные горшки тотчас выстроились в ряд на пороге, и соседка от радости не знала, как и благодарить художника.

С того дня не проходило и дня, чтобы Ма Лян не помогал кто-нибудь из бедняков. Одному он нарисовал новую мотыгу, другому – крепкую рыболовную сеть, дети просили игрушки, девушки – черепаховый гребень для волос. Никому не отказывал художник, и все бедняки получали то, что просили.

Как-то раз Ма Лян помогал строить фанзу и возвращался из соседней деревни уже за полночь. Дорогой он думал только о долгожданном отдыхе но, не доходя до своей фанзы, услышал приглушённый стон. Стон раздавался из распахнутого окна покосившейся лачуги старого батрака Чу. Бедняга всю жизнь горбатился на полях помещиков, а теперь, когда силы оставили его, он стал никому не нужен. Юноша вошёл в лачугу и увидел скорчившегося на истёртой циновке больного старика.

– Чу! – негромко позвал его Ма Лян. – Что с тобой?

– Я умираю, сынок, – еле шевеля губами, прошептал Чу.

– Чем я могу помочь тебе? – участливо спросил юноша.

– Мне бы ещё хоть раз увидеть рассвет, но я не доживу до него.

– Ты увидишь его, я тебе это обещаю!

Но старик только устало закрыл глаза, и по его лицу покатились слезы.

Ма Лян достал свою волшебную кисть, с которой никогда не расставался и принялся рисовать рассвет на стене лачуги.

Вдруг комната озарилась нежным розовым сиянием восходящего солнца. И перед глазами умирающего бедняка стали распускаться благоухающие лотосы, качающиеся на водной глади озера, а вдалеке виднелись горы, окутанные утренним туманом.

Жизнь старого бедняка была скупа на прекрасные мгновения. Ему некогда было любоваться красотой природы. Всё, что он видел – это бесконечные поля помещиков, которые нужно было обрабатывать, да убогие голые стены его обветшалой лачуги.

Чу вглядывался в чудесный пейзаж и глаза его ширились от удивления и восторга. Старик промолвил:

– Сынок, откуда ты узнал? Я родился на берегу этого озера и для меня это самое прекрасное место на земле. Какое счастье снова увидеть его!

Блаженная улыбка осветила лицо старика, он легко вздохнул, и последний его вздох был счастливым.

Едва жизнь покинула хозяина лачуги, в ней снова стало темно. Лишь только слабый огонёк светильника подрагивал, догорая.

Ма Лян закрыл глаза покойному и шатающимися усталыми шагами пошёл в свою фанзу, чтобы хоть немного поспать.

Но только короток был сон юноши, а пробуждение было неприятным.

Как ветер разносит созревшие семена, так и весть о чудесах Ма Ляна разлетелась по всей деревне. Долетела она и до ушей жадного помещика. На рассвете его слуги ворвались в фанзу художника и потащили Ма Ляна к своему хозяину.

– Зачем нужно было тащить меня силой, – сказал помещику юноша, – тебе достаточно было просто попросить меня, и я нарисовал бы тебе то, что нужно.

Богач положил перед художником лист тонкой бумаги и сказал:

– Для начала нарисуй мне новую семихвостную плетень. Хоть у меня и есть пятихвостка, чтобы стегать слуг, но она недостаточно хороша – бьёт не больно.

Ма Лян был бедняком и все его соседи и знакомые были бедняками. От них ему не раз доводилось слышать, что сердце богача чёрное от злобы и жадности. Но ему трудно было в это поверить, ведь его помыслы были чисты. А сейчас, услышав просьбу помещика, он словно увидел его отвратительное чёрное сердце и отшатнулся от него.

– Я не стану рисовать для тебя! – крикнул юноша помещику. – Даже не возьму в руки кисть!

Богач покраснел от гнева и велел слугам запереть несговорчивого художника в пустом сарае. Ма Лян в течение трёх дней морили голодом, а ночью четвёртого дня случились заморозки и выпал снег. Утром помещик выглянул в окно и с довольным видом сказал сам себе:

– Уж если голод не сделал этого мальчишку покорным, то после этой холодной ночи, он не станет мне перечить!

Накинув на себя тёплую одежду, богач отправился к сараю, в котором томился художник. Подошёл помещик к двери, а из-под неё пробивается алый свет, как от пламени очага, да и доносится аппетитный запах. Заглянул богач через щель в сарай и опешил, так как увидел, что сидит Ма Лян перед пылающим очагом и ест свежее испечённые лепёшки. Смотрит помещик и дивится – откуда всё это взялось в пустом сарае? А Ма Лян тем временем взял в руки свою волшебную кисть, которую всегда держал при себе и нарисовал на полу чайник и чашку. И тотчас принялся пить горячий ароматный чай маленькими глотками.

«Ах ты, собачий сын! – гневно подумал богач. – Для себя нарисовал и очаг, и чай с лепёшками, а для меня рисовать не желает! погоди, я с тобой сейчас расправлюсь!»

Помещик стал громко звать слуг, а когда те прибежали к сараю, отдал им приказ:

– Отоприте сарай и забейте этого несговорчивого художника насмерть!

Слуги тотчас бросились исполнять его приказание, но старый ржавый засов не так-то легко было отодвинуть и слугам пришлось с ним повозиться. Помещик же уже закипал от злости, и ему не терпелось излить её на Ма Ляна. Он первый вбежал в открытую дверь и чуть не лопнул от своей злости, потому как художника в сарае не было, а к стене была приставлена лестница.

Ма Лян услышав крик богача, понял, что ему несдобровать, и поспешно нарисовал лестницу, затем взобрался по ней на камышовую крышу, разобрал её и убежал, спрыгнув с крыши в глубокий снег.

Помещик, не помня себя от гнева, полез по нарисованной лестнице, но едва он поднялся до её середины, она рассыпалась под его тяжестью, и толстяк рухнул на пол.

А юноша тем временем был уже на краю деревни. Ему было ясно, что злой и жадный помещик не даст ему житья, и Ма Лян решил покинуть родные места. Достав свою волшебную кисть, он нарисовал на снегу красавца-коня. Пара штрихов и белоснежный скакун уже стоял перед ним и нетерпеливо бил по снегу копытом.

Юноша вскочил на коня и, взглянув в последний раз на свою деревню, с грустью сказал:

– Прощайте, друзья! Кто знает, когда нам теперь доведётся свидеться.

Белоснежный конь тряхнул гривой и помчал всадника прочь.

Скакал Ма Лян на коне, скакал и вдруг услышал позади себя: «сюаньхуа, сюаньхуа!» Оглянулся назад и увидел десяток всадников, настигающих его, а впереди всех, нещадно стегая коня, скачет злой помещик.

Тогда Ма Лян, не слезая с коня, стал рисовать на полах своей куртки лук и колчан со стрелами.

Всё ближе и ближе скачет помещик, размахивая острым мечом, готовый на ходу отсечь юноше голову. Ма Лян не стал ждать, когда богач настигнет его, он повернулся в седле и выпустил стрелу в злого помещика. «Сао!» – пропела пущенная стрела и пронзила горло помещика. Он захрипел и упал замертво с коня, а его слуги в страхе бросились в рассыпную. Ма Лян же, подстегнув своего белоснежного скакуна, помчался вперёд.

Весь день юноша мчался, не останавливаясь и слез с коня только на закате дня, добравшись до большого города. Многолюдный город с красивыми домами и площадями пришёлся по душе Ма Ляну, и он решил в нём остаться.

За пищу и ночлег на постоялом дворе нужно было платить, а в карманах у бедного юноши было пусто. Другой бы на его месте нарисовал бы себе полный сундук золота и серебра, а то и целый дворец с горами пищи и напитков, но честный Ма Лян помнил, что волшебная кисть ему дана не для корысти. К тому же юноша подумал и о том, что если уж в небольшой деревеньке нашёлся злодей пожелавший владеть волшебной кистью, то в многолюдном городе таких будет, хоть отбавляй. Поэтому Ма Лян решил зарабатывать, рисуя такие картины, которые не будут оживать.

Как же ему удавалось рисовать обычные картины, вместо волшебных, ведь другой кисти у Ма Ляна не было? А всё дело было в том, что художник, изображая что-нибудь, не дорисовывал какую-нибудь незначительную деталь, например копытце у оленя или чешуйки у рыбок, вот они и не оживали. Свои картины Ма Лян продавал на базарной площади, и они хорошо раскупались, поэтому жил юноша припеваючи.

Как-то раз захотелось Ма Ляну нарисовать журавля-стерха. Так как день был погожий, художник устроился в тени дерева рядом с домом и начал рисовать. Из-под его кисти на бумаге появилась грациозная белая птица с длинным клювом и хохолком. Вот только глаза не нарисовал Ма Лян своему стерху, но и без глаз птица получилась просто замечательной.

Тем временем мимо художника проезжал в своём паланкине императорский чиновник. Увидев картину, он пожелал купить её и окликнул Ма Ляна. Юноша сидел задумавшись и вздрогнул, когда услышал громкий окрик. В этот момент капелька туши случайно соскользнула с его кисти и, капнув на рисунок, превратилась в журавлиный глаз.

Что произошло потом, не трудно себе представить. Прямо на глазах у чиновника белый журавль-стерх, захлопав крыльями, взмыл под облака.

Важный господин от удивления открыл рот и долго вглядывался в небеса, провозжая ожившую птицу своим взглядом. Когда же он опомнился, то поспешил в столицу в императорский дворец, чтобы рассказать об этом чуде правителю Поднебесной.

Стоит ли говорить, что императору захотелось своими глазами увидеть подобное чудо, и он отправил за художником своих придворных.

Найдя Ма Ляна, самый главный из придворных сказал ему:

– Сам Сын Неба желает видеть тебя! Прими это за честь и собирайся в дорогу.

Но Ма Ляну вовсе не хотелось покидать этот город и ехать к императору.

– Мне и здесь хорошо, – ответил он, – я не поеду в столицу.

Тогда придворные больше не стали церемониться с юношей, связали его и в таком виде доставили во дворец.

Император, взглянув на Ма Ляна, властно произнёс:

– Я хочу, чтобы ты нарисовал мне золотого дракона – символ моей власти!

Когда он это говорил, то его толстые щёки раздувались, как у жабы и Ма Лян, недолго думая, нарисовал ему не благородного золотого дракона, а отвратительную зелёную жабу, усеянную бородавками. Жаба тяжело плюхнулась с листа на пол и уставилась, выпучив глаза, на императора, а затем стала раздувать щёки совсем, как он и квакать, от этого придворные еле сдерживали свой смех.

Император буквально позеленел от гнева, отчего стал ещё больше напоминать эту мерзкую жабу и закричал:

– Немедленно отнимите у этого негодяя, его кисть и бросьте его в темницу!

Завладев кистью, император сам принялся рисовать. Но как бы он ни старался, волшебная кисть не подчинялась ему и властитель только портил тонкую рисовую бумагу. В гневе он зашвырнул кисть в самый дальний угол и, чтобы утешиться, приказал дать палок чиновнику, рассказавшему о чудесном художнике.

А бедный юноша в это время томился в мрачной императорской темнице.

Когда его бросили в тесную сырую клетушку, он обнаружил там мальчика лет десяти.

– Что здесь делает ребёнок? – вслух удивился юноша.

– Ждёт, пока ему снимут голову с плеч, – еле слышно произнёс мальчик.

– С каких пор в Поднебесной детям рубят головы? Что же ты такого мог натворить?

– По мнению императора, я достоин самой страшной казни, ведь я сломал его любимый цветок. Это вышло случайно. Я помогал своему отцу, который служит садовником поливать цветы, но поскользнувшись, упал прямо на цветок и сломал его, – сказал мальчик, всхлипнул и умолк.

В душе Ма Ляна поднялась волна негодования – так вот каков Сын Неба и законы Среднего царства!

Но что он мог сейчас сделать для мальчика? Только отвлечь его от горьких мыслей, и юноша принялся рассказывать забавные истории. И вскоре мальчик улыбнулся, а потом и стал смеяться, позабыв о предстоящей казни. Так и прошла ночь.

А властителю Поднебесной в его мягкой шёлковой постели в эту ночь тоже не спалось. Мысли о волшебной кисти не давали ему покоя до самого рассвета. Поэтому он поднялся раньше обычного и приказал привести к нему Ма Ляна. Как только художника привели, император стал обещать ему золотые горы, лишь бы тот согласился рисовать для него.

Юноша на это ответил:

– Мне не нужны твои сокровища! Но если ты освободишь мальчика, нечаянно сломавшего твой цветок, то я нарисую тебе всё, что ты попросишь!

Как всякому другому правителю, императору не хотелось нарушать своё повеление, но в его голове пронеслась одна хитроумная мысль, и он ответил Ма Ляну:

– Так и быть, я выполню твоё условие и освобожу мальчика, но как только закончится завтрак, ты будешь для меня рисовать!

Завтрак императора проходил в золочёной зале, за роскошным столом и в окружении многих придворных. Ма Ляна же отвели в крошечную комнатку и поставили передним скромный завтрак. Из окна этой комнатки был виден императорский сад и юноша стал любоваться прекрасными цветами. Вдруг он увидел знакомого мальчика с тяжёлой лейкой в руках. Мальчик принялся поливать нежные лилии, но цветы почему-то стали увядать. Ма Лян пригляделся и увидел, что цветы вянут от горьких слёз его товарища, падающих на нежные белые лепестки.

– Эй, братец! – весело крикнул из окна юноша. – Впервые вижу, что человек льёт горькие слёзы из-за того, что ему не отрубили голову!

Мальчик поднял к нему опухшие от слёз глаза и грустно сказал:

– Моя-то голова на месте, но вместо неё по приказу императора отрубили голову моему отцу.

Ма Лян ничего не сказал мальчику, он только крепко сжал кулаки и решил, что отомстит за него.

Сколько бы всевозможных блюд не подавали императору, но всё же завтрак закончился, и художника повели в тронный зал. Император важно восседал на троне, а рядом с ним на золотом подносе лежала волшебная кисть Ма Ляна и шёлковое полотно.

– Что бы такое пожелать? – вслух размышлял правитель.

– Может нарисовать для тебя безбрежное лазурное море? – предложил ему Ма Лян.

– Почему бы и нет? Рисуй море! – приказал император, и юноша взялся за кисть. Вскоре у самых ног властителя разлилось лазурное море. Оно было спокойным и ласковым, и его недвижимая гладь напоминала огромное зеркало из нефрита.

– Но где же рыбы? – поинтересовался император.

Юноша сделал несколько штрихов своей кистью и в море стали резвиться красивые золотистые рыбки. Их чешуя сверкала в лучах солнечного света, когда они, выпрыгивали из воды и снова ныряли в море. Император смотрел на них как заворожённый. Ему захотелось поймать одну из чудесных рыбок, и он протянул к ним руку, но золотистая стайка, вильнув хвостом, устремилась в безбрежную даль.

– Немедленно рисуй корабль! – приказал император, – Я хочу догнать их!

Ма Ляну не составило труда нарисовать большой парусник, и правитель вместе со своими чиновниками поспешил на его борт.

– Ветер! Нарисуй ветер! – потребовал император.

Юноша тотчас выполнил приказ, и лёгкий ветерок надул паруса корабля, и он поплыл по морю. Но всё же корабль не мог угнаться за рыбками и император снова закричал:

– Больше ветра, черепаший сын!

Художник нарисовал на море волны и белые барашки, отчего паруса корабля натянулись, как барабан, и корабль, словно полетел над волнами. Однако Ма Лян не стал на этом останавливаться, и его кисть вздымала волны всё выше и выше, пока на море не разыгралась настоящая буря. Корабль оказался во власти неистовой стихии, и его бросало по огромным волнам словно щепку.

– Хватит ветра! – кричал изо всех сил, промокший насквозь император, но Ма Лян будто бы не слышал его, рисуя ураганный ветер.

Чёрные тучи закрыли небо, и раскаты грома оглушали всех, кто плыл на трещащем под натиском волн паруснике. Огромный водяной вал обрушился на императорский корабль и навсегда скрыл его в бездонной пучине.

А куда же подевался Ма Лян? Это никому неизвестно. Но люди поговаривают, что он до сих пор странствует по белому свету и помогает беднякам, рисуя своей волшебной кистью. Говорят также, что он ходит не один, а вместе со своим названным сыном, которого он однажды спас от казни. Этот мальчик тоже стал художником, а кто он – догадайтесь сами...

Свирепый тигр и хитрый У

Делили как-то раз братья У отцовское наследство. Делили мирно, без ссор. Сидя на пороге покосившейся фанзы, они смотрели на то, что им предстояло разделить, и не знали, как это сделать, потому что попробуй, раздели на двоих одну корову, одну собаку, одного петуха, один-единственный глиняный горшок и один топор.

Долго они так сидели в растерянности, а потом старший из братьев сказал:

– Да чего тут думать! Чтобы никому не быть в обиде, давай разделим всё пополам, и дело с концом!

– Это как же? – удивлённо спросил младший У.

– А вот как: и корову, и собаку, и петуха и горшок – всё пополам! Хорошо, хоть топор есть, легче будет делить. Вот только как сам топор поделить, пока не придумал.

Младший улыбнулся и сказал:

– Можно и так, но лучше забирай-ка ты себе и фанзу, и корову с собакой, петухом и горшком, да ещё и топором в придачу.

– А что тогда достанется тебе? – удивлённо выпучив глаза, спросил старший У.

– Знаешь, братец, наш отец, кроме хозяйства, имел ещё и умную голову на плечах. Вот она-то мне и досталась в наследство! Так что я не в обиде. Ты оставайся здесь хозяйничать, а я отправлюсь на поиски своего счастья.

Простились братья, и младший У отправился в путь.

Шёл он весь день, а когда опустились сумерки, стал задумываться о ночлеге. Огляделся вокруг – никаких признаков жилья не видно. И вдруг услышал петушиный крик неподалёку.

– Где петух, там и усадьба! – обрадовался У.

Пошёл юноша на крик петуха и вскоре увидел помещичью усадьбу. Стучать в запертые ворота он не стал, так как справедливо решил, что бедняка всё равно не пустят на ночлег. Перепрыгнув через изгородь, он оказался в красивом саду. Осторожно пройдя вглубь сада, он услышал голоса и затаился в кустах жасмина. В резной беседке вели неспешный разговор два почтенных господина в богатой одежде, и младший У стал прислушиваться к их словам, ведь никто не знает, где можно поймать за хвост удачу.

– Как жаль, что молодость не догонишь даже на крылатом драконе, – вздохнув, промолвил господин, одетый в лиловый халат.

– Молодость прекрасна, – утвердительно сказал господин в зелёном халате, – но, насколько я помню, ваши молодые годы прошли в бедности. Так неужели вы готовы лишиться и этого роскошного дома, и этого восхитительного сада?

– Что вы! Конечно же, нет! – поспешно воскликнул первый господин. – Просто я хотел бы обрести ещё и милость нашего императора. Ведь сейчас, как никогда выгодно быть молодым и уметь хорошо стрелять из лука. Но, к сожалению, я уже стар, и не имею сына, которого обучил бы стрельбе из лука!

– Но небо подарило вам прекрасную дочь.

– Какой из этого толк? Она никогда не научится держать в руках лук!

– Однако такую красавицу можно отдать в жёны самому меткому стрелку, и он станет вашим зятем!

– Прекрасная мысль! Но где я найду такого?

В этот момент У подумал, что услышано достаточно и позволил сну одолеть себя.

Едва рассвело, юноша уже был на ногах. Первым делом, он отправился к серебристой иве, растущей у пруда и, срезав её гибкую ветвь, смастерил тугой лук, а затем и стрелы.

– Лук и стрелы у меня уже есть, остался суший пустяк! – сказал сам себе юноша и стал осматриваться по сторонам.

Возле плетёной решётки гуляли красавцы-павлины, а рядом с ними важно расхаживали упитанные золотистые фазаны.

– Вы-то мне и пригодитесь! – промолвил сообразительный У и стал подбираться к решётке. Приманив фазана куском лепёшки, юноша поймал его и свернул ему шею, затем пронзил глаз мёртвой птице своей стрелой и отнёс фазана к пруду.

Когда всё было сделано, У снова перепрыгнул через изгородь и, подойдя к воротам, начал громко по ним стучать. К воротам вышел сонный помещик и сердито посмотрел на юношу.

– Тысяча извинений за то, что смею тревожить вас в такой ранний час, – кланяясь, сказал ему юноша. – Во всём виновата проклятая птица! Я подстрелил её, за пределами вашего сада, но она умудрилась ещё немного пролететь и рухнула в вашем саду. Позвольте мне отыскать её.

Помещик позволил и даже помог У отыскать убитого фазана. Увидев около своего пруда птицу с пронзённым стрелой глазом, он восхищённо сказал:

– Видимо ты превосходный охотник, раз попал фазану точно в глаз. Прошу, будь моим гостем, и позавтракай вместе со мной.

У, безусловно, был голоден, но, тем не менее, сказал в ответ:

– Я охотно приму ваше приглашение, только вначале подстрелю дичь крупнее жалкого фазана.

С этими словами хитрец откланялся и, держа в руках добытую птицу, отправился к ближайшему базару.

По дороге на базар ему встретилась кучка взволнованных людей. Они что-то обсуждали. Юноша приблизился к ним и услышал:

– Куда она могла подеваться? – спрашивал один.

Второй на это ответил:

– Меняла и сам не знает. Он купил её вчера за полцены, разумеется, на то он и меняла. А сегодня собрался её продать втридорога. Но чтобы жемчужина сияла, он вымыл её и оставил сушиться на куске шёлка, сам же пошёл в другую комнату за шкатулкой для неё. Менялы не было всего пару минут, и за это время жемчужина исчезла.

Юноша услышал достаточно и, смекнув, что к чему, направился напрямиком к лавке менялы. Сев у дверей лавки, он ухватился за полу халата первого встречного и стал громко просить его купить птицу.

– Оставь меня в покое, – воскликнул прохожий, – не нужен мне твой фазан!

– Господин, если бы не нужда, я никогда бы не продал этого фазана. Послушайте, такой невероятной истории вы в жизни не слышали! Этим утром я был на охоте, вдруг, прямо передо мной пролетела сорока, а в клюве у неё было, что-то белое и круглое...

– Рассказывай зевакам свои сказки! – сердито воскликнул прохожий и, вырвав полу халата, зашагал прочь.

Как и рассчитывал У, из дверей лавки выглянул меняла и приветливо сказал:

– Я бы охотно дослушал твой рассказ, юноша, и если он окажется и вправду таким невероятным, как ты обещал, то возможно и куплю твою птицу.

Хитрец кивнул в знак согласия и продолжил свой рассказ:

– Я собрался подстрелить эту сороку, чтобы узнать, что она несла, но только прицелился, как птица, заметив меня, закричала: «Ча-ча» – и из её клюва выпало, что-то маленькое белое и круглое. Я бросился подбирать, но в тот же миг из кустов выпорхнул фазан и склевал это. Мне же оставалось только подстрелить этого фазана. Наверное, можно было выпотрошить его и узнать, что он склевал, но тогда никто бы не купил потрошённую птицу и я остался бы без денег.

У менялы загорелись глаза, и он сказал сладким голосом:

– Какая удивительная история! Я, пожалуй, куплю твоего фазана.

– Но этот фазан стоит недёшево! – предупредил жадного менялу У.

Они начали торговаться, и в итоге юноша выручил за фазана его двадцатикратную стоимость. На эти деньги он купил на базаре дикого кабана и, взвалив его на плечи, направился к помещику.

Проходя мимо лавки менялы, он увидел толпу людей. Люди поймали вора, похитившего редкую жемчужину, и привели его к меняле. Тогда У поспешил скрыться, чтобы хозяин лавки, невзначай его не заметил.

Подходя к помещичьей усадьбе, юноша воткнул в глаз купленного им кабана одну из своих стрел и направился к изгороди. Перекинув через изгородь кабанью тушу, он принялся громко стучать в ворота. На стук вышел помещик.

– Ещё раз прошу у вас прощения за беспокойство, – сказал он хозяину усадьбы, – но следы кабана, которого я подстрелил, привели меня к вашему саду. Позвольте мне найти его.

Помещик радушно распахнул ворота и юноша, сделав несколько шагов, радостно воскликнул:

– Да вот же он! Даже не пришлось долго искать!

Помещик взглянул на кабана и, увидев его пронзённый стрелой глаз, принялся рассыпаться в похвалах. А в мыслях у него было только одно – заполучить искусного охотника себе в зятя.

– Теперь-то ты не откажешься от моего гостеприимства? – сказал он. – Ты нанесёшь мне обиду, если не погостишь в моём доме несколько дней!

– Я с радостью погощу у вас, господин, но только если вы примете от меня этого кабана! Хозяин усадьбы повёл гостя в дом, а слугам приказал зажарить кабана.

Ещё никогда в жизни У не оказывали таких почестей. Его усадили на самое почётное место, и помещик сам подал ему лучшего шаосинского вина, а затем завёл с ним беседу.

– Мне давно хотелось иметь в друзьях такого искусного охотника как ты, – ласково говорил помещик, а про себя думал: «Уж мне ли не заставить осла, попавшегося на пути, везти мою поклажу. Я сделаю так, что стрелять будет он, а все почести достанутся мне».

– И мне приятно завести знакомство с таким почтенным господином, как вы, – вторил помещику юноша, а сам думал: «Если ему понадобится искусный стрелок, то я им и буду. Только всё же хотелось бы узнать, зачем он ему нужен?»

И вправду, зачем? А всё дело было в том, что накануне к помещику пожаловал его давний приятель, который узнавал обо всём раньше остальных. Он сообщил, что поблизости от столицы обосновался громадный свирепый тигр, пожирающий людей. Напуганные торговцы перестали доставлять в город товары, а горожане не смели выходить за ворота столицы. Император же пообещал осыпать милостями того, кто убьёт ужасного тигра-людоеда. Узнав об этом, честолюбивый помещик захотел каким-нибудь образом удостоиться императорских милостей и по совету друга решил обзавестись зятем, который сможет убить ужасного зверя.

Младший У, сидя в кустах жасмина, слышал лишь конец разговора и не знал всего. Так же, как и помещик, многое не знал о том охотнике, которого пророчил себе в зятя.

Между тем хозяин усадьбы и его гость продолжали обмениваться любезностями. Помещик уже собирался обмолвиться о том, как хорошо иметь молодому человеку достойную супругу, когда слуги внесли на большом серебряном подносе зажаренного кабана. Желая польстить охотнику, хозяин приказал воткнуть в глаз зверя тонкую стрелу, и слуги так и сделали.

Вдруг за окном раздался топот копыт и спустя несколько мгновений в доме появились императорские гонцы. Помещик догадался о цели их приезда, и его лоб покрылся испариной. Он стал лихорадочно соображать, как бы повернуть разговор так, чтобы юноша не понял, что гонцы ищут меткого стрелка, ведь он ещё не был зятем помещика, и в то же время, чтобы императорские посланники тоже не догадались, кто этот юноша. И только одно упустил помещик, и на это сразу же обратил внимание один из гонцов.

– Кажется, мы нашли того, кого так долго ищем! – радостно воскликнул он. – Назовите же мне имя этого меткого стрелка.

С этими словами он подошёл к жареному кабану, вынул из его глаза стрелу и показал её остальным гонцам.

Помещик стал блее полотно, ведь все императорские почести ускользали из его рук. Но всё же он попытался, хоть как-то исправить ситуацию и, часто моргая, сказал:

– Этот кабан куплен сегодня на базаре, а стрелу воткнули уже потом, для красоты.

Помещик и не догадывался, как он был близок к истине.

Но от его слов стало не по себе У, он решил, что помещик каким-то образом узнал о его хитрости и теперь, решил над ним прилюдно посмеяться. Разозлившись, юноша решил стоять на своём и воскликнул:

– Что это вы придумали? Этот кабан был убит моей меткой стрелой. Я свои стрелы так и называю: «сяняньчуань» – «разящие в глаз». И если мне захочется пронзить своей стрелой воды Жёлтого моря, то я попаду в глаз самому Лунвану – повелителю морских вод! Ни один свирепый зверь мне не страшен, будь то тигр или леопард, ведь мои стрелы всегда достигают цели!

У помещика после таких слов юноши не осталось ни единого шанса, и он только с грустью смотрел, как императорские гонцы, подхватив под руки гостя, уводят его и восклицают:

– Удача! Наконец-то, мы нашли отважного стрелка, которого так долго искали!

Когда У посадили на коня и повезли в столицу, он так и не понимал в чём дело и зачем его везут к императору.

На третий день юноша предстал перед повелителем Поднебесной. Император милостиво взглянул на него и произнёс:

– До меня долетела весть о твоей меткости и храбрости. И вот что я тебе скажу, охотник: мне не важно, как ты собираешься убить этого ужасного тигра-людоеда, но я хотел бы знать, как скоро ты это сделаешь.

Теперь-то У стало ясно, для чего он здесь, и от страха его колени затряслись. Но, как говорится, кто развёл шелковичных гусениц, тому придётся разматывать коконы. И юноша ответил императору:

– Завтра на рассвете я отправлюсь охотиться на этого тигра.

– Сколько охотников дать тебе в помощь?

– Я всегда охочусь один, мне не нужны помощники! – ответил У, а сам в это время думал о том, что одному легче сбежать, а если его разорвёт тигр, то никто этого не увидит.

На рассвете следующего дня У, взяв с собой лук и стрелы, покинул дворец. Его провожали, как знатные придворные, так и простые люди до самых ворот города, желая удачной охоты. Юноша улыбался им в ответ, но сердце его сжималось от страха.

Выйдя за городскую стену, У пошёл по дороге, ведущей в горы. Он уже собрался свернуть с неё, чтобы убежать из этих мест, но оглянувшись, увидел, что жители столицы поднялись на городскую стену и машут ему вслед. Пришлось юноше идти дальше.

Дорога вилась между высоких отвесных скал, становясь, всё уже и круче. Но затем они словно расступились, открывая небольшое озеро, у берега которого качала ветвями одинокая сосна.

Вдруг посреди безмолвия, раздались громopodobные звуки, тотчас подхваченные горным эхом. У подумал, что это раскаты грома, но на небе не было ни облачка. Тогда юноша решил, что это горный обвал, но скалы стояли неподвижно. Страшная догадка мелькнула в его голове и на этот раз У оказался прав – это рычал тигр-людоед.

Юноша от страха с ловкостью, которой позавидовала бы любая обезьяна, взобрался на одинокую сосну. И как только он оказался на дереве, на берег озера выпрыгнул огромный свирепый тигр. Зверь был голоден и, увидев на сосне человека, оцетинил усы, а затем оглуши-

тельно зарычал. От этого рычания задрожало всё вокруг, со скал посыпались камни, на озере появилась рябь. Затряслась и сосна, а вместе с ней ещё больше задрожал младший У, отчего свалился с неё прямо в озеро. К счастью, озеро в этом месте было не глубокое, и он не мог утонуть, но и выбраться из воды тоже не мог, ведь у берега его караулил голодный зверь.

Юноша страшился тигра, а тигр боялся заходить в воду, поэтому он яростно метался по берегу, а У стоял в озере.

Так пролетел час, за ним другой. Наконец, тигр, решив, что юноше никуда от него не деться, растянулся у сосны и заснул. Услышав его храп, У бесшумно поплыл к другому берегу озера, вышел на берег и побежал. Но вскоре он понял, что бежать некуда, так как берег озера заканчивался глубоким ущельем с острыми камнями на дне, не менее страшными, чем клыки тигра.

– Видимо, не так много я унаследовал от отца! – сказал сам себе У. – Из-за своего хитроумия я оказался на краю пропасти, а позади свирепый тигр. Чтож, терять мне нечего, попробую что-нибудь придумать в последний раз.

После недолгих размышлений, юноша отступил от края ущелья на пару шагов и громко крикнул тигру:

– Хватит храпеть, старое полосатое чучело!

Тигр проснулся и гневно зарычал. Тем временем У продолжил свои насмешки:

– И чего это люди так страшатся тебя? Тоже мне царь зверей! Да ты всего-навсего сын облезлой кошки!

Тигр просто взбесился от такой дерзости. Позабыв о том, что он боится воды, тигр-людоед быстро переплыл озеро и с разбегу бросился на дерзкого насмешника, желая разорвать его на куски. Но хитроумный юноша мгновенно упал ничком на песок, и разъярённый зверь, пролетев над ним, упал в пропасть и разбился об острые камни.

Долго потом спускался юноша в это коварное ущелье, а когда спустился, воткнул свою стрелу в глаз мёртвого тигра.

На закате дня У вошёл в городские ворота. Сотни людей приветствовали его, как героя. Матери поднимали своих детей, чтобы они видели и запомнили самого отважного охотника Поднебесной.

Представ перед императором, юноша склонился перед ним и сказал:

– Сын Неба! Твой приказ выполнен. Трудная это была охота! Едва тигр увидел меня, как тотчас попытался скрыться в скалах, и я вынужден был гнаться за ним по горным кручам и ущельям. Страх зверя передо мной был так велик, что он, не раздумывая, бросился в воды озера. Но моя меткая стрела сяняньчуань всё же настигла его на другом берегу озера, и смертельно раненый тигр, сделав последний прыжок, рухнул в пропасть.

Там он и остался лежать. Но если тебе угодно, то ты можешь послать за ним, и его полосатая шкура будет лежать у твоих ног.

Император так и поступил. Когда же слуги принесли тело мёртвого тигра, все смогли увидеть стрелу охотника в глазу свирепого зверя.

В награду У получил от императора чин Главного охотника Поднебесной, большой дом и большое жалованье и зажил припеваючи. Вскоре он растолстел, так как мог себе позволить много есть, спать и ничего не делать. Когда же его звали на охоту, он разводил руками и говорил в ответ:

– Если объявится в наших краях ещё один тигр-людоед, тогда я возьму свои стрелы сяняньчуань и отправлюсь на охоту, а гоняться за всякой мелочью Главному охотнику Поднебесной не пристало!

Подарок

Много веков тому назад жил в Поднебесной один богач. Не секрет, что большинство богачей – люди злые и жадные, но злее этого богача было не сыскать во всём Китае, так же и по жадности ему не было равных. Его жена была ничем не лучше мужа. И вот однажды они решили купить рабыню. Жадные супруги, конечно, поскупились потратить много денег на покупку и в итоге приобрели самую дешёвую, а вместе с тем и самую некрасивую из рабынь. Они привели её в свой дом и стали называть её не иначе, как обезьяной. С тех пор в их доме можно было услышать:

- Обезьяна, подай!
- Обезьяна, унеси!
- Обезьяна, приготовь!
- Обезьяна, убери!

А если бедная девушка не успевала быстро исполнить приказание хозяев, злые люди избивали её палкой и не давали еды.

Как-то раз, когда хозяев не было дома, в дверь их дома постучал нищий. Протягивая руки к небу, он застонал:

- Помогите! Я умираю от голода.

Рабыня пожалела нищего и открыла ему дверь. Протянув маленький мешочек с рисом, она сказала нищему:

– Каждую рисинку из этого мешочка, я нашла в рисовой соломе, которой топлю очаг. День за днём я собирала их для себя, но тебе хуже, чем мне, поэтому бери этот рис и поскорее уходи. Если мои хозяева узнают, что я подала тебе милостыню, то побьют и тебя и меня, а рис отнимут.

Нищий благодарно поклонился, взял мешочек с рисом и, прежде чем уйти, дал доброй девушке маленький розовый платочек и промолвил:

- Утирайся им на заре.

Как назло в этот момент появились злые хозяева. Богач тотчас накинулся на свою рабыню с бранью:

– Ах ты, грязная обезьяна! Как ты посмела открыть дверь этому попрошайке? Сейчас я проучу вас обоих!

Но пока он кричал, нищий бесследно исчез, будто его и вовсе не было. Это ещё больше разозлило хозяина бедной девушки, он взял плеть и стал безжалостно стегать ею рабыню. Почти без сознания от побоев, девушка добралась до своей подстилки и уснула.

С первыми лучами зари, она открыла глаза и, вспомнив о подарке нищего, умыла своё лицо и утёрлась розовым платочком. Точно так же она поступила и на другой день, и на следующий за ним.

Утром четвёртого дня, девушка протирала зеркало и, случайно взглянув в него, увидела в отражении красавицу. Рабыня ахнула и выронила тряпку из рук. Затем снова взглянула в зеркало, и все её сомнения отпали – розовый платочек нищего сотворил с ней чудо, превратив из уродины в красавицу.

Когда богач и его жена заметили чудесное преобразование своей рабыни, они заскрежетали зубами от злобы и зависти.

- Скажи нам, в чём твой секрет и мы подарим тебе свободу, – сказал, лукавя, хозяин.

Девушка, услышав, что ей обещают желанную свободу, протянула богачу свой розовый платочек и рассказала, что нужно делать.

- Заполучив чудесный платок, жадные хозяева и не подумали сдержать своё слово.

– Отправляйся на кухню, обезьяна, там твоё место! – прикрикнул на рабыню богач, когда та заикнулась о свободе, и спустил с цепи псов, чтобы она не вздумала сбежать.

На заре следующего дня хозяева утёрлись розовым платочком, а затем снова улеглись спать. Когда же они снова проснулись, то взглянув друг на друга, закричали от ужаса, так как оба превратились в старых облезлых обезьян.

– Эта подлая рабыня решила посмеяться над нами! – взревел богач. – Я брошу её на растерзание нашим свирепым псам!

И две старые облезлые обезьяны помчались на кухню. Собаки, спущенные с цепи, увидев обезьян, со злобным рычанием бросились к ним. Богач и его жена едва смогли избежать их зубов, выпрыгнув в окно, но псы последовали за ними.

Со всех ног убегали обезьяны по улицам и переулкам города от разъярённых псов, страшась ужасной смерти, пока не очутились в чаще леса. Там они и остались до конца своих дней жить среди других обезьян. А добрая рабыня обрела долгожданную свободу и вскоре удачно вышла замуж. Больше никто и никогда не называл её обидным прозвищем, и она жила счастливо до глубокой старости.

Небесная река

Когда-то в одной китайской деревеньке жил старый крестьянин. Перед смертью, он позвал к себе двух своих сыновей и сказал:

– Пусть младший сын Чан получит в наследство белую корову, а старший сын будет владеть всем остальным.

Промолвил это старик-отец и умер.

Поделили братья отцовское наследство, как он завещал, и дружно зажили вдвоём. Старший брат трудился в поле, а младший целыми днями пас свою корову.

Прошло немного времени, и старший брат привёл в дом жену. Невестка Чана оказалась на редкость злой и сварливой женщиной, по малейшему поводу она бранила, а иногда даже била младшего брата мужа.

Каждый день ещё до рассвета, Чан отправлялся пасти свою белую корову. Он искал для неё самые сочные пастбища, поил свежей водой, а если солнце палило особенно нещадно, то укрывался вместе с ней в тени.

И в один из таких дней, произошло чудо. Чан, отдыхая под деревом, услышал, как кто-то сказал ему:

– Чан, твоя невестка намеревается отравить тебя! Не ешь ничего из того, что она даст тебе на ужин и беда обойдёт тебя стороной!

Юноша очень удивился, ведь на лугу кроме него и коровы никого не было.

– Верно, мне это почудилось – вслух произнёс пастух и погнал корову домой.

Когда же он вошёл в дом, ожидая очередной брани своей невестки, то немало удивился, впервые услышав от неё приветливые слова:

– А вот и ты, Чан! Заходи скорей, я приготовила на ужин твои любимые лепёшки, поешь их, пока они не остыли!

Юноша уже протянул руку к лепёшке, как вдруг вспомнил о том, что ему было сказано, и не стал есть.

– Отчего же ты не ешь? – спросила его коварная невестка.

На это Чан ответил:

– Мой старший брат ещё не вернулся с поля, нехорошо ужинать раньше него.

Сказав это, он вышел из-за стола и отправился спать на сеновал.

На другой день корова снова предупредила юношу:

– Чан, твоя невестка намеревается отравить тебя! Не ешь ничего из того, что она даст тебе на ужин и беда обойдёт тебя стороной!

Чан удивлённо посмотрел на свою корову, и она в подтверждение своих слов кивнула ему головой.

Вечером невестка снова была на редкость ласковой с Чаном и, встречая его у дверей, сказала:

– Заходи скорее в фанзу, Чан, я приготовила на ужин рис с овощами, поешь, пока он не остыл!

Но юноша ответил, что не голоден и отправился на сеновал. Там он достал из пастушьей сумки чёрствую гаоляновую лепёшку и подкрепился ею.

Утром, едва рассвело, он погнал свою корову на самое лучшее пастбище в горной долине. Когда корова насытилась, пастух ей сказал:

– Два раза ты спасла меня от козней злой невестки, прошу тебя, подскажи, как мне дальше быть!

– Будет лучше, если ты покинешь дом брата, но не забудь забрать с собой и меня, – ответила ему корова.

Вернувшись вечером домой, Чан сказал старшему брату:

– Пора мне, брат, построить свою фанзу, поэтому завтра я покину тебя.

Старший брат стал уговаривать его остаться, но Чан настаивал на своём и утром следующего дня ушёл из родной деревни вместе со своей белой коровой.

Корова привела Чана к густому лесу, и на его опушке юноша решил построить себе фанзу и коровник. От зари и до зари трудился Чан, не покладая рук, и к началу новой луны все постройки были готовы.

Так и поселился Чан в своей фанзе на опушке леса. Никто не нарушал его спокойствия, и он никуда не отлучался из дома.

Как-то раз корова говорит Чану:

– Тебе нужно раздобыть женское платье синего цвета.

– Для чего мне оно? – усмехнулся пастух.

– Так нужно, – сказала в ответ корова.

Чан развёл руками, но всё же отправился в ближайший город и купил на базаре синее платье, а затем, по совету коровы, спрятал его в коровнике.

Через три дня белая корова снова говорит юноше:

– Забирайся на мою спину и закрой глаза!

Чан послушался. И как только он закрыл глаза, зашумел ветер, словно корова полетела по воздуху. Юноше было любопытно, что происходит, но он не решился послушаться корову и открыть глаза.

Вскоре всё стихло, и корова сказала:

– Открывай глаза!

Чан открыл глаза и огляделся. Вместо леса он оказался у берега реки, поросшего густыми зарослями кустарников. Юноша раздвинул густые ветви и увидел девушек, весело плещущихся в реке. Они были так прекрасны, что Чан невольно залюбовался ими.

– Чан, – позвала его корова, – видишь то белое платье, что лежит на камне? Подберись к нему незаметно и принеси сюда.

Юноша так и сделал.

– А теперь, снова забирайся мне на спину и не забудь закрыть глаза, – сказала корова.

Снова раздался шум, а когда он утих, Чан снова был на своей опушке.

– Положи белое платье, рядом с синим, и отправляйся спать, – снова проговорила корова, и её хозяин так и поступил.

Посреди ночи его разбудил какой-то шорох. Он вышел посмотреть, кто потревожил его сон и увидел на опушке леса залитой серебристым лунным светом одну из тех девушек, что купались в реке.

– Как зовут тебя, красавица, и как ты здесь очутилась? – спросил девушку Чан.

– Моё имя – Чжи Нюй, – грустно промолвила гостя. – Ты похитил моё белое платье, прошу тебя, верни мне его.

Добродушный Чан тотчас направился в коровник за платьем, но едва он прикоснулся к нему, корова спросила:

– Зачем ты берёшь платье?

– Я должен вернуть его девушке. Ко мне пришла девушка и умоляет вернуть ей одежду.

– Ни в коем случае не отдавай ей белое платье, а дай вместо него синее, тогда эта красавица останется здесь и станет твоей женой!

Чан не хотел, чтобы красавица покинула его, и потому принёс ей синее платье. Чжи Нюй посмотрела на него и со вздохом сказала:

– Если мне суждено стать твоей женой, то пусть так и будет.

Она надела синее платье и осталась жить у Чана.

Девушка была не только красивой, но и очень трудолюбивой. Весь день она без устали хлопотала по хозяйству, и Чан не мог на неё нарадоваться. Прошло немного времени, они стали мужем и женой, и казалось, нет никого на свете счастливее этой пары.

В любви и согласии пролетело много счастливых лет. У Чана и Чжи Нюй родился сын, а за ним и дочь.

Однажды белая корова сказала своему хозяину:

– Послушай меня, Чан, я уже стара и скоро умру. Когда это случится, сохрани мою белую шкуру и береги её, сев на неё ты сможешь угнаться за кем угодно.

На глаза Чана навернулись слёзы, а корова продолжила:

– Но помни, ты должен снимать мою шкуру очень бережно, чтобы случайно не проколоть её и не порвать!

Чан погладил свою белую корову и пообещал исполнить всё, как она наказала.

Через несколько дней белая корова умерла.

Погоревал Чан вместе с женой и принялся снимать белую коровью шкуру, да только поленился наточить, как следует нож и второпях проткнул её в нескольких местах.

Чжи Нюй увидела это и воскликнула:

– Что же ты наделал Чан! Твоя корова не раз спасла тебя от смерти, а ты сдержал данное ей обещание! Как бы ты не накликать этим беду!

Но Чан не придавал этому значение.

Прошло несколько дней, и жена завела с мужем разговор:

– Столько лет мы живём с тобой в любви и согласии, а ты до сих пор мне не доверяешь!

Чан удивлённо взглянул на жену и спросил:

– С чего ты это взяла?

– А почему ты всё ещё не отдал мне моё белое платье?

– Я уже позабыл о нём давным-давно, но если хочешь, возьми его в коровнике, за жердями.

Чжи Нюй обрадовалась и пошла к коровнику.

Напрасно ждал Чан возвращения жены, а когда он заглянул в коровник, то увидел лишь синее платье, лежащее на соломе. Только тогда он понял, какую глупость совершил. Вспомнив о белой коровьей шкуре, он достал её, посадил на неё детей, сел сам и крикнул:

– Лети за Чжи Нюй! Быстрее!

Как только он это произнёс, белая шкура поднялась в воздух и понеслась над лесом. Чан услышал знакомый шум ветра и с удивлением смотрел, как внизу быстро мелькали деревни и города, горы и поля. Вдруг шкура стала подниматься выше и выше, пока земля не скрылась под облаками, а небо не приблизилось и потемнело. Это было очень странно, потому как солнце всё ещё сияло, но вскоре оно уменьшилось настолько, что превратилось в маленькую жёлтую точку. Зато вокруг, на чёрно-лиловом небе зажглось множество ярко сияющих звёзд. И тогда Чан увидел впереди свою жену. Она летела по звёздному пути в своём развевающимся белом платье.

Чан никак не мог её догнать и потому прокричал шкуре:

– Лети ещё быстрее!

Но, как ни странно, шкура стала замедлять ход, словно слабела с каждым мгновением.

– Быстрее! Быстрее! – кричал Чан, но шкура летела всё медленнее и медленнее, опускаясь ниже и ниже.

Вдали прямо по тёмному небу растеклась река. Чжи Нюй легко перенеслась через неё и опустилась на другой берег. Увидев мужа и детей, она обрадовалась и протянула к ним руки.

– Скорее летите сюда! Я жду вас на этом берегу! – звала она своего мужа и детей. – Здесь, на берегу Небесной реки мы будем жить вечно, и ничто не помешает нашему счастью!

Чан тоже протянул руки навстречу жене, а дети радостно закричали:

– Мама! Мамочка!

Но белая шкура не смогла преодолеть реку, силы оставили её, и она опустилась на берег.

– Летите ко мне, ведь я не могу теперь перелететь на ваш берег! Я не вынесу разлуки с вами, – плакала Чжи Нюй на другом берегу.

Но как бы она ни горевала, как бы ни умоляла мужа лететь к ней, всё было напрасно. Чан смотрел на неподвижную белую шкуру своей коровы и, видя на ней раны, с горечью понимал, что он своей собственной рукой лишил семью счастья, ведь если бы шкура была целой, то она с лёгкостью перенесла бы его и детей к Чжи Нюй.

...Много веков минуло с той поры, когда Чан и Чжи Нюй оказались по разные стороны Небесной реки. Их слёзы, проливаемые в разлуке, падали с высоты на землю, и люди стали называть это дождём. Но, видя страдания несчастных супругов и их детей, над ними сжалился могущественный дракон. Своей властью он превратил Чана, Чжи Нюй и их детей в сверкающие звёзды и поместил их над землёй в назидание людям, сказав при этом:

– Пусть люди, любуясь этими звёздами, помнят: нет ничего хуже неблагодарного человека, он сам будет несчастлив и сделает несчастными своих родных...

Если тёмной ночью вы посмотрите на небо, то вы можете увидеть среди тысячи разных звёзд созвездие Ориона. Ярко сияют на небосклоне три его самые большие звезды. Эти звёзды – Чан, его сын и дочь.

А где же тогда Чжи Нюй? Вглядитесь внимательно в звёздное небо, и вы заметите небольшую, но яркую звёздочку, расположенную напротив звёзд Ориона. Люди называют эту звезду Поллукс, но знайте, что это и есть красавица Чжи Нюй.

И сколько бы ни проходило веков, звёзды в созвездии Ориона и Поллукс никогда не встречаются, потому что они навечно разделены Небесной рекой, которая имеет и другое название – Млечный Путь.

Девушка-пион

В далёкие времена жила в Поднебесной одна бедная вдова и был у неё сын по имени Бао Чжу. Не было ни одного дня году, чтобы мать и сын ели досыта. Как только Бао Чжу пошёл одиннадцатый год, отправила его мать батрачить на помещика. И пришлось мальчику от темна до темна гнуть спину на жадного мандарина. Он и полол, он и воду носил, он и за хозяйством следил. Так он пробатрачил несколько лет, но семья так и продолжала жить впроголодь.

И вот наступил тот день, когда Бао Чжу захотелось покончить с нуждой, и случилось это в канун самого долгожданного народного праздника – праздника встречи Нового года. Все жители городов и деревень с радостью готовились к празднованиям, и каждая семья лепила пельмени, ведь они были и остаются самым любимым праздничным блюдом у китайцев. По старому обычаю люди ходили друг к другу в гости с пожеланиями счастья и радовали детей подарками. А бедная вдова со своим сыном в это время сидели в своей фанзе голодными в темноте, потому что в их светильнике кончилось масло, и он погас. С улицы доносились радостные крики детей, которые поджигали фейерверки, и тёмное небо озарялось множеством ярких вспышек. Бао Чжу смотрел на забавы других детей и взрослых и чувствовал всю горечь своей нищеты. Грустные мысли пронеслись у него в голове и, не выдержав, он сказал матери:

– Мама, что толку, что мы гнём спину на помещика от зари до зари? Ведь всё равно живём беднее некуда! Позволь мне пойти в дальние края, может там мне удастся хорошо заработать, и мы больше не будем голодать.

Как бы не хотелось вдове расставаться со своим сыном, но она всё же его отпустила.

И вот Бао Чжу пустился в путь, шагая по вековым дорогам. Шёл он много дней и очутился у подножия высоких гор, где зацветали богатые сады и зеленели большие рисовые поля. Дорога привела его в большое селение. Издалека юноша увидел высокую красивую фанзу и направился к ней. Подошёл, смотрит – украшена фанза страшными драконами, а по краям ворот стоят каменные изваяния львов. Засмотрелся Бао Чжу и думает: «Видимо эта фанза принадлежит очень богатому человеку, хорошо бы наняться к нему в работники».

Не успел он об этом подумать, как ворота распахнулись, и из них вышел господин, одетый в золотистую шёлковую рубашку и лиловый атласный халат. Увидев бедняка, богач закричал на него:

– Что это ты тут околачиваешься, бездельник?

– Почтенный господин, – кланяясь, сказал Бао Чжу, – наймите меня на работу, не пожалее!

Лицо хозяина фанзы просветлело, и он ответил:

– Хороший работник мне не помешает! Заходи, я покажу, где ты будешь жить. А называть меня ты будешь – Лю-старый отец.

Бао Чжу прошёл в ворота и робко обратился к богачу:

– Лю-старый отец, я проделал большой путь сюда, поэтому прошу у вас плату больше, чем обычно.

Хозяин посмотрел на юношу и спросил:

– И сколько же ты просишь?

На что Бао Чжу ответил:

– Не меньше тридцати монет в год.

Богач задумался, а потом сказал:

– Чтож, я согласен столько тебе платить, но только ты должен выполнять всё, что я прикажу. И запомни, если хоть с чем-нибудь не справишься, то не жди от меня ни единой монеты!

Подумал Бао Чжу, подумал и говорит:

– Сил у меня много, и нет такой работы по хозяйству и в поле, которая не была бы мне знакома, поэтому я со всем справлюсь.

У этого богача было много наёмных работников. И все они звали его в глаза Лю-старый отец, а за глаза прозывали Лю-старый волк. Когда сын вдовы это услышал, то сказал сам себе:

– Пусть они называют его хоть волком, хоть ещё кем-нибудь, для меня главное – заработать и получить свои деньги.

Хозяин все дни напролёт возносил молитвы в храме, а вечером отдавал приказания своим работникам, кому, что делать на следующий день. И каждого нагружал работой так, что у работника не оставалось и минутки, чтобы передохнуть.

Бао Чжу вставал ещё до восхода солнца и затапливал все печи, а затем мёл двор. Днём же он чего только не делал: шелушил рис, перемалывал его в муку, кормил и поил свиней, коров и лошадей, чистил конюшню и коровник. А вечером до темноты носил воду. Но как бы тяжело ему не приходилось, он не жаловался и не унывал, думая только о том, как он получит свои тридцать монет и отнесёт их матери.

Так прошло несколько месяцев, и к удивлению хозяина Бао Чжу справлялся со всем, чтобы ему не поручали.

И вот однажды, богач позвал к себе юношу и говорит:

– Завтра ты отправишься в горы, чтобы пасти моих овец. И запомни, что осенью овец должно быть в два раза больше чем сейчас! Сумеешь пригнать обратно вместо ста овец двести, тогда получишь свои тридцать монет, а не сумеешь, так пеняй на себя!

Спорить с хозяином было делом бесполезным, и Бао Чжу на рассвете следующего дня погнал стадо овец на горное пастбище.

Там среди скал он нашёл пещеру и устроил в ней для себя жилище. Целыми днями он пас овец, стараясь найти для них самые сочные пастбища, а по ночам стерёг овец от волков. Ел он только сушёную кукурузу и запивал её родниковой водой. Тяжело порой приходилось Бао Чжу, но больше всего он тяготился одиночеством, ведь ему не с кем было даже поговорить. Единственной его отрадой были цветы. Они окружали его повсюду и радовали глаз. Пышные головки астр кивали ему при встрече, яркие хризантемы, словно руки, тянули к нему свои ветви, а благоухающие розы, будто улыбаясь, раскрывали свои бутоны, когда Бао Чжу проходил мимо них.

В один из дней юноша пригнал овец к дальней горе. У её подножия он увидел необыкновенное растение. Это был куст пиона ростом с человека, усеянный ещё нераспустившимися бутонами. Бао Чжу сразу заметил, что пион увядает от жажды. Жара и суховеи иссушили почву, и его листья поблёкли. Юноше стало жаль этот пион, а на память пришли слова народной мудрости: «Как цветок стремится к влаге и солнцу, так человек стремится к радости и счастью». Бао Чжу наполнил ведро водой из горного ручья и полил пион, а потом отправился дальше.

Спустя три дня юноша снова перегонял стадо из одной долины в другую и, проходя мимо этой горы, снова увидел пион. Но это был уже не жалкий полуувядший куст, а роскошный благоухающий чудо-пион, какие бывают только на картинах. Распустившиеся бутоны весело качались на ветру, словно приветствуя друга.

– Вот это красота! – восхищённо воскликнул Бао Чжу, любуясь пионом и вдыхая его тонкий аромат. На душе у него стало радостно, а на губах появилась улыбка, первая за много дней. Юноша подхватил ведро и снова помчался за водой, чтобы ещё раз полить чудесный цветок.

Весь этот день его овцы паслись у подножия этой горы. Когда же солнце стало опускаться за горы, Бао Чжу собрался перегнать овец на ночлег. Но едва он сдвинулся с места, как вдруг послышался нежный звенящий голос, похожий на пение птицы. Юноша огляделся, но вокруг не было ни души, он сделал несколько шагов вперёд и вдруг ясно расслышал своё имя:

– Бао Чжу! Бао Чжу!

Юноша остановился и прислушался, нежный девичий голос звенел колокольчиком:

– Бао Чжу! Ты меня напоил, а я дам тебе фанзу!

– Да кто же это говорит? – удивлённо воскликнул Бао Чжу, но рядом, как прежде никого не было, только прекрасный пион завораживающе покачивал своими бутонами в лучах заходящего солнца. Юноша готов был им любоваться бесконечно, но тут овцы тревожно заблеяли и он погнал их дальше. А вслед ему летело:

– Бао Чжу! Не уходи! Бао Чжу! Не уходи!

И горное эхо подхватив, повторяло это много-много раз.

Вдруг порыв ветра донёс до юноши нежные лепестки пиона. Несколько из них упали прямо к нему на ладонь, и Бао Чжу положил их к себе в карман, затем же спокойно продолжил путь.

А ночью случилось то, что называется чудом. Бао Чжу, как всегда не спал допоздна, охраняя овец от волков. Но после долгого утомительного дня сон одолел его и юноша заснул. Когда же он проснулся, то с удивлением обнаружил, что находится в какой-то фанзе.

– Где я? И где мои овцы? – испуганно воскликнул Бао Чжу, и в этот момент за окнами раздалось блеяние овец.

Он выскочил из фанзы и осмотрелся. Все его овцы на месте. А рядом с ними стоит удивительная фанза, построенная из сияющих драгоценных камней. Войдя в неё, Бао Чжу почувствовал прекрасный аромат цветов, словно это был не дом, а цветочная оранжерея. Внутри фанза была очень уютной и сияла чистотой. Откуда она здесь взялась, юноша не знал, но ему было приятно в ней поселиться.

Так и стал Бао Чжу жить в чудесной фанзе. Он, как и прежде, днём пас овец, находя для них самые лучшие луга, и родники с чистой водой, а по вечерам загонял их на ночлег. Незаметно пролетело лето, и зной сменился прохладой. Травы пожухли, зачастил дождик, и пришла пора возвращаться к хозяину. Бао Чжу стал считать овец, и их оказалось даже больше, чем рассчитывал жадный богач. Юноша обрадовался и погнал стадо в деревню.

По обычаю этого края все хозяева расплачивались со своими наёмными работниками первого числа десятого месяца. И Бао Чжу спустившись с гор немного раньше, шёл и мечтал о том, как будет здорово получить тридцать монет. Уж тогда-то им с матерью хватит и на пельмени, и возможно даже на фейерверки. И от этих мыслей на его душе стало светло, как никогда, и всё вокруг казалось прекрасным.

Лю-старый волк пересчитал своих овец и удивился – все овцы были целы, и такого большого приплода у них ещё никогда не было. Но ему жалко было отдавать юноше тридцать монет и поэтому он, хитро улыбаясь, сказал:

– Ты хорошо поработал, но до конца найма остаётся ещё три дня, а потому ты должен сделать для меня ещё одно дело, а потом получишь расчёт.

Бао Чжу был в таком хорошем настроении, что ему и море было бы по колено, поэтому он сказал в ответ:

– Да хоть три!

Злорадные огоньки зажглись в глазах подлого помещика.

– Иди за мной, – велел он юноше и повёл его в свою фанзу.

У порога стояли железные сапоги.

– Видишь эти сапоги? – сказал богач работнику. – Так вот ты должен износить их за три оставшиеся дня! Не выполнишь мой приказ – останешься без денег!

Бао Чжу опешил от такого приказания, он недоумевающим взглядом посмотрел на железные сапоги, а потом спросил хозяина:

– На то они и железные, чтобы не изнашивались. Зачем же ты велишь мне их износить?

Разозлился богач и закричал в ответ:

– Не твоё это дело – спрашивать! Твоё дело – исполнять! А если не исполнишь – не смей приходить ко мне за расчётом!

Вот тогда-то и понял Бао Чжу почему работники называли помещики старым волком. Не выдержал юноша и воскликнул:

– Недаром люди прозвали тебя Лю-старый волк, сердце твоё – не добрее волчьего!

За эти слова Бао Чжу вытолкали прочь со двора помещика, и пошёл он, куда глаза глядят, держа в руках железные сапоги.

На улице стемнело и похолодало, а юноша, как был в изношенной одежде, которую носил всё лето, так в ней и остался. Холодный ветер и летящий снег сбивали его с ног, и Бао Чжу, чтобы совсем не замёрзнуть отправился в горы к чудесной фанзе. Но когда он подошёл к тому месту, где она стояла, то увидел, что фанза бесследно исчезла. В отчаянии Бао Чжу опустился на камень.

– У-у-у! У-у-у! – завывал ветер.

Но юноше на миг показалось, что он слышит и другие звуки. Словно нежный девичий голос издали зовёт его, звеня колокольчиком:

– Бао Чжу! Иди ко мне! Бао Чжу! Иди ко мне!

И ноги, словно сами понесли его к той горе, где летом рос прекрасный высокий куст пиона. Он даже и не заметил, как очутился у подножия дальней горы. И что за чудо! Здесь не было ни холода, ни ветра, ни снега, даже ночной мрак рассеялся. Перед его изумлённым взглядом стоял прекрасный куст пиона, такой же цветущий и благоухающий, как и летом.

Вдруг яркая зелень листвы раздвинулась и из цветка появилась девушка удивительной красоты. Она была столь же прекрасна, как только что распутившийся бутон пиона. Красавица улыбнулась Бао Чжу и помахала ему рукой, подзывая к себе. И в тот же миг с цветков пиона стали опадать нежные лепестки. Лёгкий ветерок закружил их, подняв в воздух, а когда они опустились на землю, то на этом месте появилась чудесная фанза. Девушка приветливо пригласила Бао Чжу зайти в её фанзу.

Усадив гостя за стол, она стала его угощать разными вкусными кушаньями, а потом и говорит:

– Я – девушка-пион. Летом ты не дал мне погибнуть от жары и засухи, и теперь я рада помочь тебе. Отдохни, как следует, а потом я помогу тебе износить железные сапоги.

После ужина юноша так сладко уснул, убаюканный теплом и чудесным ароматом пиона, что даже и не заметил, как проспал два дня.

На рассвете третьего дня, девушка напоила Бао Чжу душистым чаем и сказала:

– Надевай железные сапоги и отправляйся назад, когда ты придёшь к помещику, они будут изношены.

Они вышли из чудесной фанзы, и она тотчас исчезла, а на её месте остались лежать лепестки пиона. Красавица взмахнула рукой и лепестки, кружась, поднялись над землёй. Она протянула руку, и лепестки послушно упали ей на ладонь. Протянув их юноше, девушка-пион сказала:

– Если Лю-старый волк и в этот раз не захочет тебе заплатить, то выйди на пустынное место и развей эти лепестки.

Бао Чжу поблагодарил красавицу и отправился к своему подлому хозяину. Но когда он обернулся назад, прекрасная девушка уже исчезла, а у подножия горы стоял замёрзший куст пиона, припорошенный белым снегом.

Холодный ветер дул ему в лицо, снег мешал идти, но Бао Чжу, как не странно, не чувствовал ни усталости, ни холода. Нежные лепестки пиона он спрятал на своей груди, и там, где он проходил, расцветали цветы, радуя его глаз. Как и раньше пышные головки астр кивали ему при встрече, яркие хризантемы, словно руки, тянули к нему свои ветви, а благоухающие розы, будто улыбаясь, раскрывали свои бутоны.

Бао Чжу подошёл к фанзе помещика и, взглянув на свои ноги, с удивлением обнаружил, что железные сапоги изношены. Уверенным шагом он направился к хозяину и сказал ему:

– Я износил твои железные сапоги!

Лю-старый волк посмотрел на сапоги и глазам своим не поверил.

– Как ты умудрился за три дня разбить мои железные сапоги? – закричал он в гневе.

– Я справился с тем, что ты мне приказал, поэтому дай мне расчёт! – смело сказал Бао Чжу.

– Ты испортил мои самые прочные сапоги, а теперь смеешь просить денег? – взбесился богач. – Убирайся прочь, ничего ты не получишь!

Слуги помещика вытолкали юношу за ворота, и тогда он отправился к ближайшему пустырю. Он остановился на заснеженной поляне и развеял лепестки пиона по ветру. Лепестки закружились в воздухе, а когда опустились на снег, на этом месте возникла белоснежная фанза, а снег вокруг неё превратился в серебро. Бао Чжу вошёл в фанзу, лёг на мягкий кан, укрылся одеялом и крепко заснул.

Все в деревне стали говорить только об этой фанзе на пустыре. Узнал о ней и подлый помещик, но только не поверил словам людей. Но любопытство не давало ему покоя, и он, забравшись на крышу своей фанзы, взглянул в сторону пустыря. Блеск серебра ослепил его и его руки затряслись от жадности.

На следующее утро он забрался в свой паланкин и велел слугам нести его на пустырь. И как только увидел Лю-старый волк драгоценные стены фанзы, так чуть не задохнулся от зависти.

Бао Чжу вышел на порог, и у помещика глаза на лоб полезли. Откуда у бедняка такое неслыханное богатство? – подумал он, и тотчас завёл с юношей разговор об обмене.

Бао Чжу не спешил соглашаться, и тогда богач предложил к своей фанзе ещё землю и всё его имущество.

Юноша немного подумал и сказал:

– Если и все твои слуги, а также наёмные работники станут моими, тогда я соглашусь на обмен.

Лю-старый волк поспешно согласился.

В этот же день они пошли в ямынь, написали бумагу об обмене, и Лю-старый волк со всем своим семейством семьей переселился в чудесную белоснежную фанзу, а Бао Чжу стал хозяином его дома и всего, что в нём было.

Жадный богач первым делом принялся лихорадочно подсчитывать серебро, которое он выручит, если продаст все самоцветы фанзы и сколько земли сможет купить потом. А Бао Чжу в это время собрал всех слуг и наёмников помещика и сказал им:

– Вы долго гнули спину на этого подлого богача, но больше он вам не хозяин! Возьмите из этой фанзы то, что каждому нравится больше всего, и с этого дня вы свободны.

Бедные люди от счастья не знали, как и благодарить юношу. Вскоре они разошлись по своим домам, довольные и счастливые, к тому же, не с пустыми руками.

Наступила ночь, и все огни в деревне погасли. Наконец, заснул и Лю-старый волк в новой фанзе. Вдруг посреди ночи он проснулся от воплей своих домочадцев и холода. Огляделся и с ужасом увидел, что нет больше драгоценных стен, и лежит он на холодном снегу, а кругом такая темнота, что хоть глаз выколи.

Утром жители деревни очень удивились, куда подевалась белоснежная фанза. А когда они пришли на пустырь, то нашли на нём окоченевшее тело Лю-старого волка и тела всех его родных.

А Бао Чжу привёз в фанзу помещика свою мать, и больше они никогда не голодали. Под Новый год они с матерью налепили гору пельменей, а ночью Бао Чжу устроил такие фейерверки, каких в этих местах и не видавали.

Гора тысячи сокровищ

Много лет тому назад возле самых далёких китайских гор стояла на краю деревеньки одна бедная фанза, а в ней жили мать с сыном. Сына звали Чжан Ли, и он каждый день собирал корни папоротника, которые мать потом толкла в ступке и из этой муки пекла лепёшки. Тем бедняки и жили.

Как-то раз Чжан Ли нашёл в лесу только один корешок, и мать смогла испечь только одну маленькую лепёшку. Добрый Чжан Ли, жалея мать, сказал:

– Я не голоден, ешь ты, мама.

– Нет, сынок, лучше ты поешь, – сказала в ответ мать.

Они ещё долго спорили, кто из них должен съесть эту лепёшку, пока на пороге их фанзы не возник маленький сгорбленный старичок, одетый во всё белое. Он без сил опустился на порог и не сводил глаз с лепёшки.

– Ты, верно, голоден? – спросила мать, подходя к старичку, и он кивнул головой.

Тогда Чжан Ли, недолго думая, отдал последнюю лепёшку гостю.

Старичок насытился и жестом показал, что ему нужно домой.

Чжан Ли решил помочь старичку и, указав на большую корзинку у порога, сказал:

– Дедушка, забирайся в эту корзинку, я донесу тебя до дома.

Старичок улыбнулся и полез в корзинку. Чжан Ли подхватил её, а старичок стал рукой указывать ему дорогу.

Долгим был путь до дома старичка. Чжан Ли пересёк лес, перебрался через глубокое ущелье, поднялся на гору и, наконец, очутился у большой каменной пещеры. Им навстречу выбежала прекрасная, как распустившийся цветок, девушка.

– Наконец-то ты возвратился, отец! – воскликнула она. Старичок проворно вылез из корзинки и вдруг заговорил:

– Меймей! Этот юноша был очень добр ко мне, поэтому вынь из своих ушей серьги-ключи и отдай их ему.

Красавица тотчас сняла две причудливые серьги одна из которых была серебряная, а другая золотая, протянула их Чжан Ли и сказала:

– Эти ключи от пещеры тысячи сокровищ, а находится она в самой высокой горе. Эту пещеру не зря так назвали, ведь в ней хранятся несметные богатства. Но вход в неё закрыт огромной каменной дверью, и открыть её можно только этим золотым ключом. Как только ты войдёшь в пещеру, дверь тотчас закроется. Но пусть это тебя не пугает. Выбери из сокровищ, то, что тебе больше всего тебе понравится и открой дверь серебряным ключом. И вот ещё что: после того, как возьмёшь свою награду, принеси мои серьги-ключи обратно.

Чжан Ли несмело взял ключи, и пока их рассматривал, старичок и его дочь скрылись в своей пещере, а вход в неё загородил большой камень.

Юноша, прежде чем отправиться к чудесной пещере, решил вначале посоветоваться с матерью и поспешил домой. Мать выслушала его, а потом и говорит:

– Сходи, сынок, в эту пещеру, только будь осторожен, и присмотри там что-нибудь для хозяйства.

И Чжан Ли пошёл к самой высокой горе. У подножия горы он увидел огромную каменную глыбу похожую на дверь. Приглядевшись, он увидел в ней маленькую замочную скважину и вставил в неё золотой ключ. В тот же миг, земля задрожала, и каменная глыба начала с грохотом отодвигаться. Чжан Ли, вынув золотой ключ, вошёл в пещеру, а огромная дверь снова закрылась.

Юноша сделал несколько шагов вперёд и замер, поражённый увиденным. Вся пещера была заполнена всевозможными сокровищами, многие из которых Чжан Ли довелось увидеть

впервые. Груды золота и серебра, россыпи драгоценных камней и редких жемчужин, удивительной красоты статуэтки и прекраснейшие ткани лежали перед ним. Юноша даже растерялся, не зная, что выбрать. Вдруг ему попались на глаза белые каменные жернова, скромно лежащие в углу.

– Вот вас-то я и возьму! – воскликнул юноша, решив, что эти жернова пригодятся в хозяйстве.

Вместе с жерновами он направился к выходу. Как только он вставил в замок серебряный ключ, земля тотчас задрожала, и каменная глыба начала с грохотом отодвигаться. Едва он вышел, огромная дверь вновь закрылась.

Взвалив тяжёлую ношу себе на спину, Чжан Ли пошёл домой. Когда он добрался до дома и показал жернова матери, то она им обрадовалась, точно они были сделаны из серебра или золота, а не из белого камня. А ведь действительно эти жернова были ценнее других, и вот почему.

Как только женщина установила жернова, чтобы посмотреть, как они мелют, и разок повернула их, в тот же миг золотистой рекой из них посыпалась молотая кукуруза.

– Чудеса! – радостно воскликнули мать и сын.

Затем мать принялась крутить жернова ещё и ещё, и вскоре возле них выросла целая гора золотистой муки. То-то было радости у бедняков! Мать напекла вкусных кукурузных лепёшек, и они с сыном смогли, наконец, наесться досыта. После ужина мать сказала сыну:

– Сынок, мы-то с тобой сыты, а наши соседи голодают. Давай-ка поделимся с ними кукурузной мукой.

Так они и поступили.

Наполнил Чжан Ли свою корзинку золотистой мукой и понёс её соседям, а потом и другим, и третьим. И с того дня так и повелось: мать днём крутила чудесные жернова, а её сын вечером разносил кукурузную муку беднякам. И все деревенские бедняки позабыли, что такое голод.

Молва о чудесных жерновах вскоре разнеслась по всей округе и докатилась до самого императора. И как только он узнал об этой диковинке, так тотчас захотел заполучить их. По его приказу стражники отправились в далёкую деревеньку и силой отняли чудесные жернова у Чжан Ли и его матери.

Несколько дней спустя правитель Поднебесной собрал в своём дворце множество знати и заморских гостей, чтобы похвастать своим новым сокровищем. Он сам решил покрутить чудесные жернова и не поленился сделать это. Но как только он коснулся их, раздался страшный шум и скрип, а затем жернова рассыпались в прах. Император просто позеленел от злости и велел казнить тех, кто привёз ему эти жернова.

А тем временем Чжан Ли со своей матерью горевали о своей потере. Поплакала мать, а потом утёрла слёзы и говорит:

– Скажи, сынок, не потерял ли ты ключи от пещеры с сокровищами?

– Нет, не потерял, – ответил Чжан Ли.

– Тогда сходи ещё разок туда, может, найдётся там, что-нибудь подходящее.

И вновь юноша отправился к пещере тысячи сокровищ. На этот раз ему попалась на глаза каменная ступка. Принёс он её матери, отдал и смотрит, что же будет. Стала мать пестиком в ступке толочь, и посыпался оттуда ручейком белый отборный рис. Обрадовались мать с сыном, наварили риса, наелись, а потом снова решили поделиться рисом с соседями.

Но, как ни таились на этот раз бедняки, а всё равно прознал император и про чудесную ступку. Снова отправил он своих стражников в дальнюю деревеньку за новой диковинкой.

Но заполучив её, он позабыл прошлый урок и вновь собрал полный зал вельмож и гостей, чтобы похвастаться. Однако, как и жернова, ступка рассыпалась у него в руках, едва он её коснулся. В ярости Сын Неба велел казнить тех, кто доставил ступку в его дворец.

Доели мать с сыном последний рис и стали думать, как им дальше жить. Тогда мать и говорит:

– А что, если тебе, сынок, снова отправиться к пещере тысячи сокровищ, кто знает, может, там ещё что-нибудь полезное найдётся.

Взял Чжан Ли волшебные ключи и снова отправился к пещере. В этот раз он вернулся с чудесной мотыгой. Стоило только один раз копнуть этой мотыгой, как тотчас поднимались из земли созревшие овощи. Стала мать мотыжить ей землю, и накопили они с сыном целую гору овощей. Снова перестали голодать все бедняки в округе.

Но не зря в народе говорится: «Все болезни входят в рот, а все несчастья выходят из рта». Видимо, опять кто-то сболтнул лишнее, и императору снова стало известно о чудесной мотыге. Созвал он на этот раз своих советников и стал с ними советоваться, как лучше поступить.

– Нельзя отнимать последнее у бедняков, оно тотчас превратиться в прах, – мудро заметил самый старый императорский советник. – Прикажи лучше доставить во дворец этого юношу и узнай у него, где он берёт чудесные вещи.

Император так и поступил. И вскоре Чжан Ли оказался у его ног.

Правитель грозно взглянул на юношу и сказал:

– Отвечай, ничтожный, где ты взял чудесные вещи? Да не вздумай меня обманывать! Если солжёшь – отрублю тебе голову, а если скажешь правду, то я награжу тебя.

Подумал юноша, подумал, а потом и говорит:

– Эти чудесные вещи я нашёл в пещере тысячи сокровищ.

– И много ли там сокровищ, – с волнением спросил император.

– Не счесть!

После этих слов руки у властителя задрожали от жадности, и он снова спросил:

– И как же ты попадаешь в неё?

– Я открываю огромную каменную дверь в пещеру золотым ключом.

Император больше не мог усидеть на месте. Он вскочил, подбежал к Чжан Ли и воскликнул:

– Ты должен немедленно отвести меня туда!

Юноша, ждал, когда он это скажет и спокойно сказал:

– Хорошо, повелитель.

И спустя мгновение в императорском дворце поднялась такая суматоха, словно на город обрушилось стихийное бедствие и нужно срочно покинуть столицу. Сам правитель топал от нетерпения ногами и кричал на своих приближённых и слуг:

– Поторапливайтесь, черепаши дети! Не то отведаете палок!

И вскоре длинная императорская процессия под звуки гонгов и бой барабанов направилась в горы. Император сидел в своём роскошном паланкине и с упоением смотрел на маленький золотой ключ удивительной формы, лежавший у него на ладони. Перед тем, как двинуться в путь, он забрал его у Чжан Ли, а самого юношу отправил идти впереди всей процессии и указывать дорогу.

Когда они прибыли к пещере тысячи сокровищ, властитель не стал дожидаться, пока его паланкин опустят, а выпрыгнул из него и помчался к каменной двери. Вставив в замочную скважину золотой ключ, он нетерпеливо ждал, пока она откроется. И как только огромная дверь с грохотом отодвинулась, император и вся его свита ринулись в пещеру. Они, конечно, и не подумали спросить о том, как выйти обратно, на что Чжан Ли и рассчитывал.

Громадная каменная дверь снова загрохотала и закрылась за жадным императором и его свитой навсегда.

Не помня себя от радости, Чжан Ли помчался домой.

Мать его уже все слёзы выплакала, дожидаясь сына, и когда он вернулся, радости её не было конца. Выслушав рассказ Чжан Ли о том, как он запер в пещере жадных богачей, она сказала:

– До чего же ты сообразительный, сынок! Какое счастье иметь такого доброго и умного сына!

– Хорошо, что у нас осталась чудесная мотыга из пещеры, ведь я в неё уже больше не попаду, – сказал, улыбаясь, юноша, а потом вдруг побледнел.

– Что с тобой, сынок? – встревожилась мать.

– Ох, мама, – ответил ей Чжан Ли, – мне нужно было вернуть дочери старичка её серьги-ключи, но я могу вернуть только серебряный ключ. Как же теперь мне быть?

Мать задумалась, а потом и говорит:

– Пойдём вместе к этой красавице, расскажем обо всём, может, она нас и простит.

Мать наготовила разных угощений из овощей, наполнила ими корзинку и они вдвоём с сыном отправились к той пещере, где жили маленький старичок и его красавица-дочка.

Проехав долгий путь, они очутились на поляне перед пещерой. Солнце стояло высоко, и седой старичок сидел на широком камне, греясь на солнышке, а рядом сидела его дочь и расчесывала гребнем свои прекрасные шелковистые волосы. Чжан Ли приблизившись к ним, поклонился и протягивая девушке маленький серебряный ключ, сказал:

– Прости меня, что не могу вернуть тебе и вторую твою серьгу.

Девушка ничего не ответила, она лишь улыбнулась и вдела серебряный ключик себе в ухо.

А мать юноши, обращаясь к старичку, сказала:

– Благодаря вашей мотыге, почтенный старец, сыты и мы, и все бедняки в округе. Прошу вас, не откажитесь принять от нас в дар это угощение.

Женщина протянула ему полную корзинку, но старичок на это сказал:

– Нам не нужны подарки, раздайте лучше их тем, кто в них нуждается. Но вас без награды я не отпущу. Твой сын добр, умён и трудолюбив, за это я отдам ему в жёны свою дочь.

С этими словами старик потряс своей седой бородой и исчез.

Обняла мать красавицу и своего сына, а потом все трое счастливые отправились домой.

Волшебная свирель

Когда-то давно среди диких гор жила женщина с маленькой дочкой. Мать любила свою дочь без памяти и наряжала её в красные платья. За это девочку и прозвали Сяо Хунмей – сестричка Розочка.

Как-то раз мать и дочь трудились на своём рисовом поле. Вдруг посреди ясного дня поднялся ураганный ветер, и к полю подлетел ужасный дракон. Он схватил своими длинными когтями Сяо Хунмей и полетел к западным горам. Всё случилось так быстро, что бедная женщина даже ахнуть не успела, она со всех ног бросилась бежать за драконом, но где уж ей было за ним угнаться! До неё лишь донёсся прощальный крик дочери:

– Только мой брат сможет спасти меня!

Опустилась мать на землю и горько заплакала, приговаривая:

– Ох, доченька, да где же я тебе брата возьму?

Поплакала она, погоревала, да и пошла на своих крохотных ножках к своей фанзе. А ноги у неё были крохотными оттого, что в Китае в те времена было принято женщинам с детства туго бинтовать стопы, чтобы они не росли, ведь маленькие стопы считались признаком красоты.

Убитая горем мать шла, ничего не замечая вокруг. Случайно она зацепилась волосами за ветку дерева, а когда подняла голову, чтобы отцепить прядь волос, то увидела прямо перед собой огромный спелый персик. Женщина протянула за ним руку, и как только она его коснулась, персик тотчас обернулся маленьким румяным мальчиком. Мать Сяо Хунмей взяла его к себе и назвала Ян Мейцзы – Персик-спаситель.

Ян Мейцзы был удивительным ребёнком и рос не по дням, а по часам. Спустя десять дней, после того, как женщина принесла его домой, он превратился в крепкого десятилетнего мальчика. Мать полюбила его как родного сына и, боясь лишиться ещё и его, не торопилась рассказывать мальчику о его пропавшей сестре.

Но в один из дней на окно их фанзы приземлился чёрный ворон и закаркал:

У злого дракона томится
Твоя дорогая сестрица.
И слёзы горячие льёт,
От братца спасения ждёт.

Понял Ян Мейцзы, о чём говорит ворон и спросил у матери:

– Скажи, мама, а как зовут мою сестрицу?

Заплакала женщина и поведала сыну о его сестре Сяо Хунмей и ужасном драконе, который её унёс в западные горы. Ян Мейцзы, как услышал о том, что только он может спасти свою сестру, так тотчас же схватил дубинку покрепче и сказал:

– Я разыщу логово этого дракона и освобожу сестричку-Розочку!

Проводила его мать со слезами, и отправился Ян Мейцзы спасать свою сестру.

Шёл он, шёл по крутой горной дороге, смотрит – лежит впереди огромная каменная глыба гладкая да скользкая, словно лёд. И никак эту глыбу не обойти, так как слева – отвесные скалы, а справа – пропасть. Лежат возле той глыбы кости человеческие, видимо, пытались смельчаки через глыбу перебраться да соскальзывали и разбивались насмерть.

– Вот беда! – покачал головой Ян Мейцзы. – Нужно убрать эту глыбу с дороги, не то из-за неё ещё немало народу пропадёт!

Подступился он к той глыбе, подсунул под неё свою дубинку и попробовал поднять камень, да только треснула его дубинка и сломалась. Тогда обхватил Ян Мейцзы каменную глыбу, поднапрягся и сбросил её в пропасть. С грохотом полетела глыба на дно, а когда достигла

его, то раскололась на множество осколков, и из пропасти поднялся огромный столб пыли. А когда пыль рассеялась у ног мальчика лежала свирель. Ян Мейцзы поднёс её к губам и негромко заиграл. И вдруг, как по волшебству, все животные и птицы, которые находились поблизости, пустились в пляс под мелодию этой свирели. Перестала петь свирель – закончились пляски.

– Какая замечательная свирель мне досталась! – радостно воскликнул мальчик. – Теперь-то я знаю, как одолеть тебя, ужасный дракон!

Сказал так Ян Мейцзы и отправился дальше. Шёл он, шёл, и привела его дорога прямо к ужасному дракону. Громадное чудовище лежало возле высокой скалы, а рядом с ним трудилась девочка, одетая в красное. Это и была Сяо Хунмей, она долбила железным долотом скалу, чтобы у дракона была новая пещера. Из глаз девочки катились слёзы, потому что жестокий дракон хлестал её своим хвостом, словно плетью и приговаривал:

Не поздоровится тебе,
Коль не станешь ты моей.
Так и пропадёшь в неволе,
Среди гор, среди камней.

Догадался Ян Мейцзы, что эта девочка – его сестрица-Розочка, и крикнул дракону:

Не поздоровится тебе,
Губитель взрослых и детей!
Коль на свирели заиграю —
Так запляшешь ты, злодей!

Заиграл Ян Мейцзы на волшебной свирели, и как только раздались первые мелодичные звуки, громадный дракон невольно начал плясать. Мальчик заиграл быстрее, и чудовище начало извиваться и прыгать, не в силах удержаться на месте, и чем быстрее играла свирель, тем быстрее приходилось плясать дракону.

Сяо Хунмей очень обрадовалась, увидев мальчика, под свирель которого извивался её мучитель. Она сразу поняла, что это и есть её братец-спаситель и, выронив долото, захлопала от радости в ладоши.

А Ян Мейцзы всё играл и играл, пока дракон не выбился из сил и не начал его умолять:

Пощади меня скорей!
Убери свою свирель!
Нет уж больше сил плясать!
Готов твою сестру отдать!

Но Ян Мейцзы и не думал останавливаться. Играя на свирели, он направлялся к глубокому омуту, и дракону приходилось следовать за ним. Мальчик подвёл его к крутому берегу и дракон, извиваясь, сорвался в омут. Но и там продолжались его неистовые пляски, потому что волшебная свирель всё пела и пела. Уже из пасти чудовища вырывался жар, а из его ноздрей – пар, и он едва живой застонал:

Прошу, оставь меня в живых!
Я буду, словно агнец, тих!
В омуте я буду жить
И перестану зло творить!

Ян Мейцзы, поиграл ещё немного, а потом сказал дракону:

Чтоб я тебе оставил жизнь,
При всех, злодей, мне поклянись,
Что зла вовек творить не будешь!
Дорогу к людям позабудешь!

У дракона хватило сил только на то, чтобы кивнуть своей ужасной рогатой головой. Тогда Ян Мейцзы опустил свирель, и как только музыка смолкла, чудовище без сил погрузилось на самое дно глубокого омута. Брат и сестра взяли за руки и побежали домой.

Но едва они сделали несколько шагов, за их спиной раздался всплеск воды. Ян Мейцзы и его сестрица оглянулись и к своему ужасу увидели, как дракон всплывает на поверхность, нарушив свою клятву. Тогда Сяо Хунмей промолвила:

Колодец глубоко копают,
Сорняк с корнями вырывают.
А злодея пожалеешь —
Горе лишь себе посеешь.

Дракон уже раскрыл свою ужасную пасть и нацелил острые когти на детей, но Ян Мейцзы, успел поднести к губам волшебную свирель и заиграл.

Напрасно коварный злодей молил о пощаде и клялся, что покончит со злом, его клятвам уже никто не верил. Три дня и три ночи, не переставая, играл мальчик на своей волшебной свирели, пока чудовище не испустило дух от непрерывной пляски.

Ян Мейцзы вытащил мёртвого дракона на берег и потащил его домой, а его сестрица ему в этом помогала. Когда они приблизились к своей фанзе, мать, не помня себя от радости, выбежала им навстречу и стала обнимать своих детей одного за другим. Затем они вместе сняли с дракона шкуру, и она послужила хорошей крышей для фанзы. А из рогов дракона вышла замечательная соха, которая сама пахала. И зажили они с тех пор припеваючи, не зная горя и бед.

Про сосну, черепаху и тигра

В далёкие времена в некоем краю возвышалась над землёй огромная гора, а на ней громоздились друг на друга причудливые камни. На самой вершине этой горы в мрачной пещере жил громадный тигр: шкура полосатая, глаза навыкат, а на лбу белая отметина. Обладал он невероятной силою, такой, что даже от одного его свирепого рычания горы начинали качаться. А у подножия этой горы в изумрудно – зеленой пучине жила гигантская черепаха. Стоило ей рассердиться, она так ударяла своим крепким панцирем по воде, что волны вздымались и разбегались в разные стороны. Вытянет черепаха шею – так еще больше становится, в семь с лишним шагов в длину. А между ними в середине этой горы росла огромная сосна. Тысячу лет росла сосна, изгибаясь и раскидывая свои ветви. Очень ей не хотелось, чтобы молодые деревца рядом с ней росли.

Громадный тигр и гигантская черепаха были закадычными друзьями, несмотря на то, что жили так далеко друг от друга. Навещал то тигр черепаху, то черепаха тигра, а если пару дней не виделись, так их печаль одолевала. И каждый раз, отправляясь, в гости к другу проходил тигр, и проползала черепаха мимо старой сосны, а потому спрашивались друзья о ее здоровье.

– У-у, э-э, – отвечала им сосна, но тайная зависть разъедала её сердце.

Уж больно раздражало сосну, могущество тигра, не нравилась ей и сила черепахи, но больше всего злила сосну их крепкая дружба. Давно уже задумала сосна разлучить закадычных друзей, и посеять вражду между ними, да не знала, как это сделать. Долго она думала, даже почернела наполовину от своего коварства, но все, же придумала.

Ничего не подозревающая черепаха отправилась, как обычно, на гору проведать тигра. Проходя мимо сосны, она хотела было поздороваться, как вдруг услышала:

– Далеко ли ты направляешься, сестрица черепаха?

– Иду в гости к своему другу тигру, – отвечает черепаха.

Тут сосна тяжело вздохнула. Удивилась черепаха и спрашивает:

– Что случилось с тобой? Отчего ты вздыхаешь так тяжело.

А сосна вздохнула ещё раз и говорит:

– Ох, не советую тебе, сестрица черепаха к тигру идти.

Поразилась её словам черепаха и снова спрашивает:

– Почему ты так говоришь, сосна?

– Слышала бы ты, как он тебя вчера поносил, – тихо промолвила сосна.

– Тигр меня поносил? – изумилась черепаха.

– Я могу рассказать, да боюсь, что ты расстроишься, – еще тише, сказала сосна. – Тигр обозвал тебя головастиком, и грозился, что как только ты к нему придешь, он разобьёт твой панцирь и выпьет твою желчь.

Услышала черепаха такие слова, вытянула голову и с горечью в сердце поползла назад в свою бездонную пучину.

А тигр не дождавшись, подруги решил сам спуститься с горы и навестить черепаху.

И когда он проходил мимо сосны, она спросила тигра:

– Далеко ли ты направляешься, братец тигр?

– Ждал я черепаху в гости, да не дождался и сам решил ее навестить, – ответил тигр.

Вздохнула сосна тяжело.

– Почему ты вздыхаешь? – удивился тигр.

Сосна опять тяжело вздохнула и говорит:

– Не советую тебе, тигр, к черепахе идти.

Ещё больше удивился тигр и спрашивает:

– Почему же ты не советуешь мне идти к ней?

– Слышал бы ты, – тихо сказала сосна, – как черепаха тебя только что здесь поносила.

– И как она меня поносила? – спросил тигр.

Тогда сосна очень тихо, чтобы никто не услышал, промолвила:

– Она назвала тебя дрянным тигренком. И даже пригрозила, что утопит тебя, как котёнка, как только ты к ней пожалуешь.

Услышал тигр эти слова, рассвирепел, и помчался назад в свою пещеру.

С тех пор немало воды утекло, а тигр и черепаха так больше и не встретились. Но как только вспоминал тигр черепаху, так закипала кровь у него в жилах. Не вытерпел однажды тигр, и помчался к черепашьей пучине.

А сосна от радости ветвями шумит, качается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.